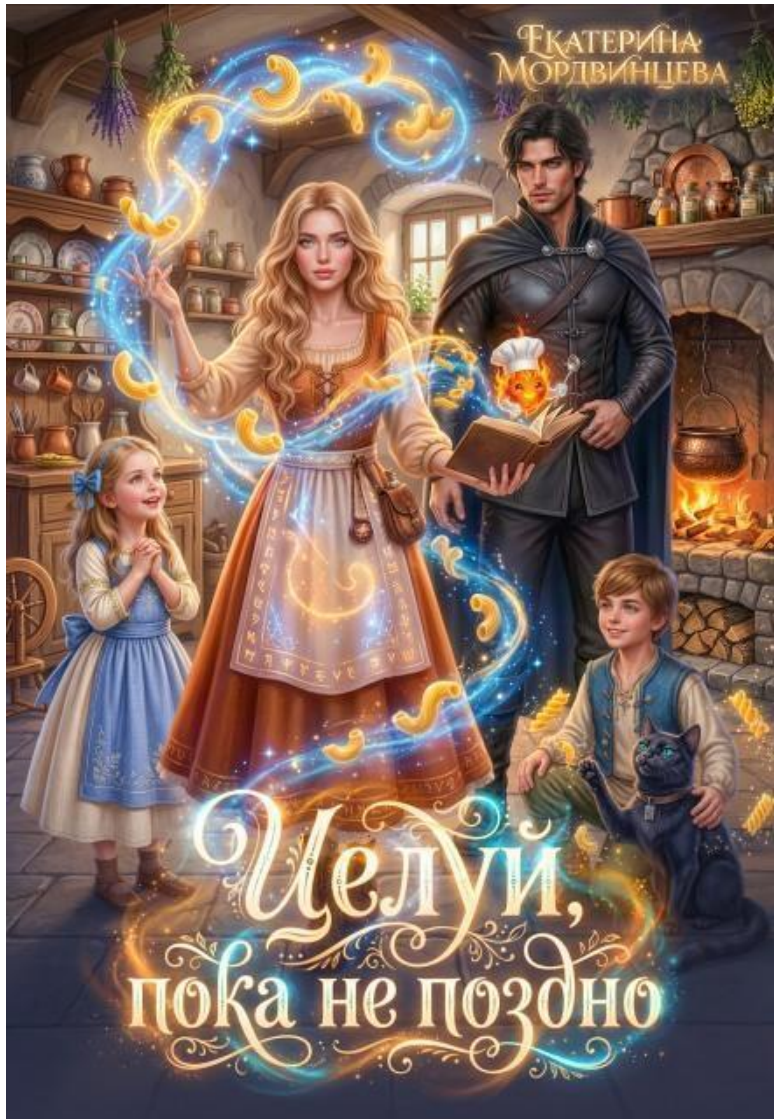

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

Мелуи,
пока не поздно

Екатерина Мордвинцева

Целуй, пока не поздно

<https://litres.ru/74276117>

Аннотация

Когда я подписывала контракт, в пункте «обязанности» значилось: приглядывать за ребёнком, готовить ужин, не выходить из дома после заката. В пункте «риски» — ничего. Теперь я знаю: предыдущая няня исчезла. В доме есть комната, которую нельзя открывать. А сам маг-вдовец каждую ночь говорит с портретом своей мёртвой жены. Меня зовут Сайфер. У меня нет магии. И кажется, меня выбрали не случайно.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	42
Глава 2	64
Глава 3	88
Глава 4	111
Глава 5	135
Глава 6	158
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Пролог

Порт Кровавых скал, три года назад

Я никогда не верила в предзнаменования.

В Академии Теней нас учили: приметы — это магия слабых, тех, кто ищет оправдания своей трусости в положении звёзд или в том, как упала свеча. Сильный маг сам творит свою судьбу. Он не смотрит на небо за ответами. Он смотрит в глаза врагу и пьёт его страх как вино.

Я была сильной.

Именно поэтому я пропустила тот единственный знак, который мог меня спасти.

Утром того дня моя напарница, Райна Краун, проснулась с улыбкой на губах. Мы делили комнату на двоих — узкую, с одним окном, выходящим на северный склон, где вечно шумели сосны. Её кровать стояла у двери, моя — у окна. Так было всегда. Райна любила контролировать выход. Я любила видеть небо.

— Доброе утро, Сай, — сказала она, потягиваясь, и её голос звучал мягче обычного. — Тебе снилось что-нибудь?

Я сидела на подоконнике, в одной рубашке, босиком, и смотрела, как рассвет пробивается сквозь хвою. Холодный ветер с гор щипал лицо, но я любила этот холод. Он напоминал мне, что я жива.

— Только то, как я выпускаю тебе кишки на полигоне, — ответила я беззлобно. — Обычное дело.

Райна рассмеялась. Серебристым, чистым смехом, каким всегда смеялась — легко и заразительно. Три года напарничества, три года совместных миссий, три года, за которые я научилась отличать настоящий Райнин смех от фальшивого. В тот день он был настоящим.

Я не знала тогда, что человек может смеяться искренне и одновременно планировать твою гибель.

— Сегодня последний экзамен, — напомнила она, заплетая свои пепельные волосы в тугую косу. — Ты готова?

— Я родилась готовой.

Она посмотрела на меня с тем странным выражением, которое я тогда приняла за восхищение, а сейчас понимаю — была жалость. Смешанная с завистью, но всё же жалость. Её глаза цвета мутного янтаря скользнули по моим рукам — там, где под кожей пульсировали золотые нити дара.

У меня их было четырнадцать. У Райны — семь. Ровно в два раза меньше.

Я была лучшей на нашем курсе. Не потому, что много тренировалась — хотя тренировалась я больше всех. И не потому, что мне везло. Просто магия текла во мне как кровь, как дыхание, как желание. Я не вызывала её — она приходила сама, стоило только захотеть. Райна называла это «божественной несправедливостью» и улыбалась.

Я думала, она меня любит.

Глупая, слепая, хвастливая дура.

Последний экзамен проходил на полигоне «Разрушенный мост» — полуразвалившейся крепости в двух часах верхового полёта от Академии. Задание выглядело простым: пройти через зал, где маги-экзаменаторы выставляли иллюзорных противников, добраться до артефакта в центре и вернуться обратно. В паре. Напарники должны были прикрывать друг друга. Оценивалась синхронность, скорость и — самое главное — умение распределять магическую нагрузку.

Мы с Райной отработали эту связку сотни раз.

Я беру на себя прорыв. Она страхует тыл. Я создаю щит. Она атакует с фланга. Моя магия — тяжёлая, взрывная, грубая. Её — тонкая, обманчивая, текучая. Мы были идеальным дуэтом. Нас ставили в пример младшим курсам. Преподаватели говорили: «Посмотрите на этих двоих. Вот что значит истинное эхо в магии».

Эхо. Когда дары двух магов резонируют, усиливая друг друга в разы. Редкое явление. Я не знала тогда, что эхо можно подделать. Что Райна не резонировала со мной — она просто потребляла мою силу, маскируя это под гармонию.

Но в то утро я ничего этого не знала.

Мы стояли у входа в крепость. Внутри гудели магические ловушки, воздух пах озоном и сырым камнем. Экзаменаторы — трое магистров с каменными лицами — кивнули, давая старт.

— Готова? — спросила Райна.

— Как всегда.

Мы вошли.

Первый зал — «Стена копий». Иллюзорные дротики летели с потолка, пола и стен, имитируя настоящую атаку. Я выставила сферический щит на нас двоих — золотистый, плотный, непробиваемый. Райна в это время срезала магические узлы, питавшие ловушку. Её тонкие, как лезвия бритвы, нити силы вплетались в основание заклинаний и разрывали их изнутри.

— Быстрее, — бросила я. — Щит жрёт мой резерв как не в себя.

— Сейчас, сейчас.

Она улыбнулась. Я не увидела эту улыбку — я смотрела вперёд, на следующий проход. Но я её услышала. В голосе. В том, как она выдохнула воздух сквозь зубы.

Первый зал мы прошли за сорок три секунды. Личный рекорд.

Второй зал — «Клетка». Здесь требовалось не просто выжить, но и сохранить концентрацию под давлением. Стенки иллюзорной клетки давили на психику, вызывая панические атаки, ложные воспоминания, голоса мёртвых. Я ненавидела этот этап. Не потому, что он был сложным. А потому, что он показывал то, что я пыталась забыть.

Голос матери.

— Сайфер, ты ничтожество, — прошептал он из темноты. — Ты даже меня не спасла. Что ты сможешь спасти?

Я зажмурилась и выдохнула. Это не по-настоящему. Это иллюзия. Моя мать умерла, когда мне было шесть, и она никогда не называла меня ничтожеством. Она называла меня «мой свет».

Но голос звучал именно так, как звучал бы, если бы она меня презирала.

— Сай! — крикнула Райна. — Держись!

Я открыла глаза. Её рука сжимала мою. Кожа к коже. Её магия — холодная, скользкая — обвилась вокруг моего запястья. В обычный день я бы отдёрнула руку. Я не любила, когда кто-то касался моих магических каналов. Это было слишком интимно, слишком опасно.

Но в тот момент я подумала, что она просто пытается меня поддержать.

— Спасибо, — сказала я.

— Мы команда, — ответила она.

Я не увидела, как её зрачки расширились. Не заметила, как кончики её пальцев засветились тусклым, почти чёрным светом. Я была слишком занята — я пробивала стену третьего зала своей магией, вкладывая в удар столько силы, что искры летели в разные стороны.

Райна стояла у меня за спиной.

И делала то, о чём я узнала только через три минуты.

Она не страховала тыл. Она вплетала в мои каналы печать. Медленно, аккуратно, почти с любовью. Каждый раз, когда я использовала магию, её нити проникали всё глубже. Я дума-

ла, что это эхо — приятная вибрация, тепло в груди. Я приняла предательство за союз.

Третий зал мы прошли на вздохе.

И вот он — центральный зал. Артефакт «Сердце Эха» — кристалл размером с кулак, пульсирующий алым светом, парил на постаменте из чёрного мрамора. Взять его мог только тот, кто сумеет подавить магическое сопротивление. Обычно это делал один из пары, пока второй отвлекал охранные заклинания.

— Я возьму, — сказала я. — У меня больше резерва.

— Хорошо, — кивнула Райна. — Я прикрою.

Я шагнула вперёд, протянула руку к кристаллу. Моя магия потекла к кончикам пальцев, готовая нейтрализовать защиту. Я чувствовала, как артефакт сопротивляется, как он щиплет кожу статическим электричеством, как он почти... говорит.

«Не бери, — шептал он голосом, которого я не узнала. — Не бери. Она за твоей спиной».

Я обернулась.

Райна стояла в трёх шагах. Её руки были подняты. Пальцы сложены в печать запечатывания — тот самый жест, которому нас учили на третьем курсе. Тот самый жест, который использовали палачи, чтобы лишить мага дара перед казнью.

— Нет, — выдохнула я.

— Прости, Сай, — сказала Райна. И в её голосе не было сожаления. Только усталость. Только давно принятое реше-

ние. — Мне нужен этот выпуск. Мне нужен этот контракт. Мне нужно быть лучшей. А с тобой...

Она запнулась.

— С тобой я всегда буду второй.

Я попыталась активировать щит. Ничего не произошло. Моя магия, послушная, сильная, невероятная, — она не откликнулась. Она застыла где-то глубоко в груди, как замёрзшее озеро под толщей льда. Я чувствовала её, но не могла достучаться.

Потому что между мной и моим даром теперь стояла её печать.

— Ты... — голос сорвался. Я никогда не плакала. Я не плакала, когда умерла мать. Не плакала, когда отец продал меня в Академию за мешок монет. Не плакала, когда в первый раз меня ударили током во время тренировки, и я упала лицом в грязь.

Но сейчас слёзы хлынули сами. Не от боли. От потери.

— Ты не можешь, — прошептала я. — Мы же напарницы. Мы же...

— Эхо? — Райна усмехнулась. — Не было никакого эха, Сай. Я просто брала твою силу. Ты была моей батареей. И я решила... закрыть кран.

Она щёлкнула пальцами.

Печать захлопнулась.

Я почувствовала это как разрыв. Как будто кто-то вырвал из моего тела позвоночник. Как будто воздух, которым я ды-

шала все двадцать лет, вдруг стал чужим, ядовитым, непригодным. Мои ноги подкосились. Я упала на колени на холодный каменный пол, и мои руки — те самые руки, которые ещё минуту назад плели сложнейшие заклинания пятого уровня — бессильно повисли вдоль тела.

Внутри меня была пустота.

Звнящая, абсолютная пустота.

— Магистры! — крикнула Райна, не глядя на меня. Её голос дрожал — от волнения? От театральности? — Сайфер потеряла контроль над даром! Я пыталась её стабилизировать, но источник схлопнулся сам!

Шаги. Тяжёлые, быстрые. Трое магистров ворвались в зал. Я подняла голову, пытаюсь объяснить, пытаюсь закричать, что это ложь, что это Райна, что она использовала печать — но слова застревали в горле, потому что я сама не верила в то, что говорила.

Потому что магистры могли видеть магические каналы.

И они видели: мои каналы пусты. Ни одного золотого волокна. Ни одной нити. Только серая, мёртвая ткань, как у обычного человека без капли дара.

— Этого не может быть, — прошептал старший магистр, женщина с седыми волосами и глазами цвета стали. — У неё было четырнадцать нитей. Четырнадцать! Второй результат за последние сто лет!

— Источник схлопнулся, — повторила Райна, и её голос звучал так убедительно, так профессионально-спокойно, что

я почти поверила сама. — Я предупреждала её. Слишком большая нагрузка на последнем экзамене. Она игнорировала рекомендации.

— Это ложь! — наконец выкрикнула я. Голос сорвался на хрип, и из горла вылетел не крик, а какой-то звериный, надрывный кашель. — Она наложила печать! Я видела! Её пальцы были в печати запекатывания!

Магистры переглянулись.

— Покажи руки, Райна, — приказал старший маг.

Райна послушно протянула ладони вверх. Чистые. Ни следа магии. Ни остаточных эманаций. Если она и использовала печать, то сделала это с единственным на свете заклинанием, которое не оставляет следов — или сделала это так давно, что ткани уже регенерировали.

Я знала правду. Но доказательств у меня не было.

— Осмотрите её, — велел старший маг, кивнув в мою сторону.

Младший магистр, мужчина с жидкой бородкой и неприятно холодными пальцами, опустился рядом со мной на корточки и положил руки мне на запястья. Его магия — слабая, но хорошо обученная — скользнула внутрь моего тела.

Я почувствовала её как чужеродный предмет. Раньше моя собственная магия сжирала бы такие вторжения на завтрак. Теперь я лежала открытая, беззащитная, как раковина без моллюска.

— Источник пуст, — сказал он через минуту. Голос был

бесстрастный, как у патологоанатома. — Полное отсутствие магических резервов. Каналы деградируют. Если в ближайшие сутки не появится хотя бы искра...

Он не закончил.

— Что — если не появится? — спросила я.

— Вы навсегда останетесь нулём, — ответил он. — Человеком без дара.

Слова ударили сильнее, чем любая магия. Человеком. Не магом. Не боевой ученицей. Не Сайфер, чьё имя шептали на младших курсах. Просто... человеком.

Нулём.

Меня исключили из Академии в тот же день.

Не было прощальной речи. Не было минуты молчания. Не было даже того, чтобы собрать вещи. Мою комнату уже освобождали, когда меня привели обратно под конвоем — на случай, если «нестабильный бывший маг» решит навредить себе или другим.

Мои вещи — три рубашки, двое штанов, потрёпанный плащ, отцовский кинжал без магии (который я носила для ритуала, а не для боя), и книга «Основы тактической магии» с моими пометками на полях — лежали в мешке у двери. Райна стояла у окна, спиной ко мне. Её коса была уже расплетена, волосы рассыпались по плечам.

— Зачем? — спросила я.

Она обернулась. В её глазах не было ни злорадства, ни стыда. Только холодное, взрослое, расчётливое спокойствие.

— Потому что иначе я бы никогда не вырвалась из твоей тени, Сай. Ты была лучшей. Всегда. Даже когда не старалась. Ты могла плюнуть в потолок, и из этого плевка вырастала магия. А мне приходилось убиваться, чтобы быть просто хорошей.

— Я помогала тебе.

— Ты унижала меня своей помощью! — Её голос взлетел на октаву. — Каждый раз, когда ты «подстраховывала» меня, магистры видели, что без тебя я ничто. Что ты — главная, а я — приложение. Ты думала, я не слышала, как они шептались: «Райне повезло с напарницей. Одна она бы не справилась». Не справилась бы! Понимаешь? Не справилась бы!

Она перевела дыхание. По её щеке скатилась одна слеза. Одна. И она же разозлила меня больше, чем всё остальное.

— Ты плачешь? — прошипела я. — Ты украла мою магию. Ты сделала меня нулём. И ты смеешь плакать?

— Я плачу не из-за тебя, — сказала Райна. — Я плачу, потому что мне жаль ту девчонку, которой я была три года назад. Которая верила, что дружба сильнее конкуренции.

Она вышла из комнаты. Не оглянувшись. Не сказала «прости» по-настоящему.

Я осталась одна.

Я сидела на своей кровати — уже без простыней, потому что простыни были собственностью Академии — и смотрела в окно. На северный склон, где шумели сосны. На небо, которое сегодня было того отвратительного серого цвета, ко-

торый бывает перед снегом, но снег так и не идёт.

Я попыталась вызвать магию.

Ничего.

Попыталась ещё раз. Представила золотые нити, текущие по венам. Обычно они откликались на одно только намерение, как верные псы на свист. Сейчас — тишина. Мёртвая, абсолютная тишина. Даже отголоска, даже памяти о тепле.

Внутри меня была пустота, и в этой пустоте начинал разрастаться холод. Не физический — душевный. Тот холод, который приходит, когда теряешь не просто способность, а свою идентичность.

Кем я была без магии?

Сайфер — дочь предателя, которого никто не помнил. Сайфер — выпускница Академии Теней, которую вышвырнули на последнем экзамене. Сайфер — боевой маг с пустыми руками.

Не знаю, сколько я так просидела. Солнце успело переползти с одной стороны окна на другую. В дверь постучали — не спрашивая разрешения, вошёл младший магистр с бородкой.

— Ваши документы, — сказал он, протягивая тонкую папку из грубой кожи. — Справка об отчислении. Разовая компенсация за обучение — двадцать золотых. И рекомендательное письмо... для поступления на гражданскую службу.

Он произнёс последнюю фразу с таким выражением, буд-

то предлагал мне устроиться уборщицей. Что, в общем, было недалеко от истины. Нуль без дара мог работать только на физических работах. Или — продавать себя. Или — умереть с голоду.

— Спасибо, — сказала я. Голос не дрожал. Это была единственная победа за сегодня.

Магистр помялся, словно хотел что-то добавить, но не решился. Кивнул и вышел.

Я взяла папку. Открыла. Двадцать золотых. Смешная сумма. Месяц жизни в портовой таверне, если экономить. Две недели, если не экономить.

Потом — ничего.

Я встала. Надела плащ — старый, дырявый на локтях, но единственный, который у меня был. Засунула в карман кинжал — отцовский, тупой уже, но тяжелый. Мешок с вещами перекинула через плечо.

И вышла из Академии Теней в последний раз.

Портал, соединяющий Академию с внешним миром, находился в подвале главного корпуса. Обычно им пользовались для выездных миссий. Сегодня он работал для меня одной.

Техник-портальщик — молодой парень с прыщавым лицом — посмотрел на меня с сочувствием. Он знал, кто я. Все знали. Новость о том, что лучшая ученица курса «схлопнула» источник, облетела Академию за час.

— Куда направить? — спросил он.

— В Порт Кровавых скал, — сказала я.

Он удивился. Порт Кровавых скал был грязным, опасным местом. Туда отправлялись только контрабандисты, наёмники без лицензии и те, кому нечего терять.

— Вы уверены? — переспросил он.

— У меня нет другого дома, — ответила я.

Это была правда. Я не родилась в этом порту. Я родилась на юге, в маленькой деревне, которую сожгли вместе с жителями, когда мне было шесть. Меня спас случайный маг, проезжавший мимо. Он заметил во мне искру и продал в Академию. За мешок монет, как я уже говорила.

Порта Кровавых скал стал моим домом в каникулы. Я снимала каморку у старухи-трактирщицы, которая брала с меня символическую плату в обмен на мелкие магические услуги — починить светильник, проветрить подвал, отпугнуть крыс.

Теперь магии не было. И старуха не была моей подругой.

Портал мигнул синим светом. Я шагнула вперёд — и мир вывернулся наизнанку, как это всегда бывает при переходе. Тошнота, вспышка, и вот я стою на причале Порты Кровавых скал, а вокруг пахнет тухлой рыбой, солью и дешёвым ромом.

Порт встретил меня так же, как и всегда — шумом, гамом, криками чаек и матом грузчиков. Но теперь я была другой.

Раньше, когда я шла по этим улицам в форме ученицы Академии Теней, люди расступались. Магию здесь уважали.

Боялись. Передо мной заискивали, предлагали лучший товар, уступали дорогу.

Теперь на мне был потрёпанный плащ без знаков отличия. Мои руки не светились. Мои глаза не горели изнутри тем холодным, властным огнём, который пугает обычных людей.

Я была никем.

Грузчик с тележкой толкнул меня плечом, даже не извинившись. Женщина с корзиной угрей обдала меня рыбной водой, потому что я не успела увернуться. Собака залаяла и кинулась на меня — и мне пришлось уворачиваться, не имея возможности отшвырнуть её силовым полем.

Я шла по знакомой набережной и чувствовала, как с каждым шагом меня всё больше стирают. Стирают из этого мира. Стирают из памяти улиц, которые ещё вчера знали меня в лицо.

Таверна «Солёный глаз» стояла на самом краю порта, там, где запах рыбы смешивался с запахом отчаяния. Старуха-трактирщица, тётушка Мара — седая, горбатая, с вечно дрожащими руками — мыла кружки за стойкой, когда я вошла.

— Сай? — Она подняла глаза и замерла. — Девочка, что случилось? У тебя лицо... белое как мел.

— Я потеряла дар, — сказала я без обиняков. Не было сил на красивые обороты. — Меня выгнали из Академии. У меня есть двадцать золотых и мешок тряпья. Можно снять каморку на месяц?

Тётушка Мара молчала целую минуту. Её старческие пальцы сжимали кружку так сильно, что костяшки побелели.

— Как — потеряла? — переспросила она глухо. — Разве дар теряют?

— Запечатали, — сказала я. — Предательство. Долгая история.

— И его можно... распечатать?

— Не знаю. Магистры сказали, что через сутки будет поздно. Но я не чувствую даже намёка. Думаю, это навсегда.

Тётушка Мара вздохнула. Глубоко, протяжно, как вздыхают люди, которые видели слишком много смертей, чтобы удивляться очередной.

— Каморка твоя, — сказала она. — За еду платить будешь отдельно. И, Сай... не жди чуда. В этом порту чудес не бывает.

— Я заметила.

Каморка находилась в подвале, за кухней. Три шага в длину, два в ширину, одно зарешеченное окно под потолком, выходящее на сточную канаву. Кровать — доска на кирпичках, тюфяк, набитый соломой, и одеяло, которое пахло мышами.

Я опустила мешок на пол, села на кровать и закрыла лицо руками.

Только тогда, в темноте, в одиночестве, под капающей где-то наверху водой, я позволила себе заплакать.

Я не рыдала. Не всхлипывала. Просто слёзы текли сами,

горячие, солёные, медленные. Они капали на мои ладони — те самые руки, которые вчера плели заклинания смерти и жизни, а сегодня не могли даже зажечь свечу.

Я прорыдала, наверное, час. Может, больше. А потом слёзы кончились, и на их месте выросла пустота. Та самая пустота, которую я чувствовала внутри вместо магии.

Но в пустоте иногда рождаются новые вещи.

Например, ярость.

Я подняла голову и вытерла лицо рукавом. Посмотрела на свои руки. Они дрожали — от слабости, от голода, от напряжения. Но они были моими. И я не собиралась сдаваться.

— Ты поклялась, — прошептала я себе. — Когда мать умирала, ты поклялась, что выживешь. Что бы ни случилось. Ты выжила тогда. Ты выживешь и сейчас.

Клятва шестилетней девочки, сказанная над горячей деревней. Я помнила каждое слово. Я повторяла их сотни раз в самые тёмные ночи.

Я — Сайфер, дочь Лии и безымянного отца. Я буду жить. Я буду сильной. Я никому не позволю сломать меня.

Райна сломала.

Но я была жива. И пока я жива, ничего не кончено.

Следующие три дня я почти не выходила из каморки. Я ела раз в день — похлёбку, которую тётушка Мара приносила за отдельную плату. Я спала урывками, потому что каждые несколько часов меня будила паника — я просыпалась и пыталась вызвать магию. Щит. Светлячок. Хотя бы искру.

Ничего.

На четвёртый день я поняла, что суточный срок, о котором говорил магистр, прошёл. Если бы дар мог вернуться, он бы уже вернулся. Каналы окончательно деградировали. Я стала нулём навсегда.

В этот день я впервые вышла на улицу не для того, чтобы купить еду, а чтобы найти работу.

Порт Кровавых скал был жесток к слабым. Я обошла пять таверн, два склада и одну конюшню. Везде мне отказывали.

— Ты слишком худая, — говорили мне. — Не потянешь.

— У нас нет места.

— Приходи, когда мускулы нарастишь.

— Девушка, идите торговать собой, тут для вас работы нет.

Я сжимала кулаки и шла дальше. Унижение — это не то, к чему можно привыкнуть. Но его можно перетерпеть.

На пятый день у меня осталось пятнадцать золотых. Тётушка Мара взяла ещё два за «проживание следующей недели», хотя мы договаривались на месяц. Она чувствовала, что я слаба, и начала поднимать цену. Это был бизнес, не благотворительность. Я не злилась.

Я просто понимала, что если не найду работу через неделю — буду спать на улице.

На шестой день я устроилась в порту грузчицей.

Хозяин склада, толстый мужчина с лицом, изъеденным оспой, посмотрел на мои руки, на мои плечи и усмехнулся.

— Тыщи две поднимешь?

— Попробую.

— Если уронишь — вычту из платы.

Он дал мне ящик с вяленой рыбой. Ящик весил, наверное, сорок килограммов. Когда-то, с магией, я поднимала в десять раз больше, даже не задумываясь. Сейчас мои мышцы закричали после первого же шага.

Я донесла ящик до телеги. Упала. Поднялась. Донесла второй.

За день я заработала пять медяков. Хватило на миску супа и ломоть хлеба.

За ужином тётушка Мара смотрела на мои стёртые в кровь ладони и качала головой.

— Ты не выживешь так, девочка. Ты не создана для этого.

— Я создана для того, чтобы выживать, — ответила я.

И пошла спать.

Так прошёл месяц.

Я превратилась в тень. Мои волосы, когда-то блестящие и густые, спутались в колтуны, потому что у меня не было денег на мыло. Мои руки покрылись мозолями и шрамами. Мои рёбра можно было пересчитать через кожу. Я спала по четыре часа в сутки и ела раз в день, потому что на большее не хватало.

Но я не сдохла.

Это было моим единственным достижением, и я цеплялась за него как за якорь.

На тридцать пятый день я возвращалась со склада мимо «Солёного глаза» и увидела на двери объявление.

Обычно я не читала объявления. В порту их клеили сотнями: «Ищу матроса», «Куплю краденое», «Сниму девушку на ночь». Но этот листок привлёк моё внимание, потому что он был написан на плотной, дорогой бумаге, а края были обрезаны фигурными ножницами — признак того, что автор не бедствует.

Я подошла ближе.

На листке было выведено каллиграфическим почерком:
«Богатому магу-вдовцу требуется няня для дочери.

Обязанности: присмотр за ребёнком 5 лет, обучение основам этикета, сопровождение на прогулках.

Требования: отсутствие магического дара (предпочтительно), грамотность, чистоплотность, терпение.

Оплата: золотом и защитой.

Обращаться в поместье «Стеклянный дом на утёсе», предъявить этот листок страже.»

Я перечитала объявление три раза.

Отсутствие магического дара — предпочтительно.

Предпочтительно.

Маг-вдовец ищет няню без дара. Почему? Обычно маги нанимали магов — чтобы няня могла защитить ребёнка, если что. А тут — наоборот. Искали нуля.

Такого же нуля, как я.

Пальцы дрожали, когда я оторвала листок от двери. Ветер

с моря, холодный и влажный, взъерошил мои спутанные волосы. Где-то вдалеке кричали чайки. Свеча в фонаре у входа моргнула раз, второй — и погасла.

Я смотрела на листок, на эти слова — «золотом и защитой» — и чувствовала, как в груди, там, где раньше была пустота, начинает пульсировать что-то новое.

Не магия.

Надежда.

Я не знала, что этот листок подписывает мне смертный приговор. Или — дарует шанс на воскресение.

Я развернулась и пошла в каморку — собирать мешок.

Ту ночь я почти не спала.

Сидела на тощей кровати в каморке, прижимая к груди листок объявления. Свеча давно догорела, и единственным светом была луна, пробивавшаяся через зарешеченное окно под потолком. Сточная канава за стеной пахла так, что у неподготовленного человека заслезились бы глаза. Я привыкла.

Я вообще ко многому привыкла за этот месяц.

К голоду, который сначала был острым как нож, а потом превратился в тупое, ноющее чувство где-то под рёбрами. К усталости, которая стала моим вечным спутником, въелась в кости, сделала меня старой и разбитой в двадцать лет. К уни-

жению — когда хозяин склада называл меня «доходягой», когда грузчики шлёпали меня по задку, когда я падала под тяжестью ящиков и никто не подавал руки.

Я привыкла быть нулём.

Но я не привыкла к тому, что кто-то ищет ноля. Специально. С предпочтением.

Пальцы скользили по шершавой бумаге. «Богатому магу-вдовцу требуется няня для дочери. Отсутствие магического дара — предпочтительно.»

Почему? Зачем магу няня без дара? Что он прячет? Что боится потерять?

В моей голове крутились сотни вопросов, но самый главный был другим: «У тебя есть выбор, Сайфер?»

Я оглядела каморку. Тюфяк с вылезавшей соломой. Одежду, которое я стирала в холодной воде, потому что на горячую не было денег. Мешок с тремя рубашками и отцовским кинжалом. На стене — пятна плесени. На полу — крысиный помёт.

Пятнадцать золотых осталось. На две недели, если тётушка Мара снова поднимет плату. А она поднимет. Она уже смотрела на меня как на дохлую кошку, которую пора выбросить на помойку.

Выбора не было.

Но я не хотела признаваться себе в этом. Потому что выбор — это иллюзия свободы. А когда у тебя нет свободы, признавать, что выбора нет — значит признавать, что ты раб.

Раб обстоятельств. Раб своего бессилия.

Я не хотела быть рабыней.

Поэтому я сказала себе: «Подумаю до утра».

Утро пришло серое, мокрое, с дождём, который барабанил по крыше таверны как похоронный марш. Я вышла из каморки, неся в кармане сложенный вчетверо листок. Тётушка Мара уже мыла полы в общем зале — её горбатая фигура согнулась над ведром как вопросительный знак.

— Ты чего не спишь? — спросила она, не оборачиваясь.

— Не спится.

— Нашла работу?

— Почти.

Она выпрямилась и посмотрела на меня. Её глаза — выцветшие, водянистые — скользнули по моему лицу, задержались на кругах под глазами, на впалых щеках.

— Ты собралась к этому магу? — спросила она.

Я вздрогнула. Откуда она знала? Я не говорила ей про объявление. Я вообще никому не говорила.

— Ты повесила листок на дверь, — ответила она на мой незаданный вопрос. — Я видела. И видела, как ты его сорвала. Красивая бумага. Дорогая. Такие только магистры используют.

— Ты знаешь этого мага?

Тётушка Мара помолчала. Её руки, покрытые старческими пятнами и венами, сжали швабру так, что костяшки побелели.

— Никто не знает этого мага, — сказала она наконец. — Он появился здесь три года назад. Построил дом на утёсе — из чёрного стекла, говорят, и белого камня. Никто не видел его лица. Никто не был у него в гостях. Иногда в порту появляются его слуги — покупают продукты, ткани, книги. Они не разговаривают с местными. Только показывают золото и уходят.

— А ребёнок? — спросила я. — У него есть дочь?

— Видели её пару раз. Маленькая девочка, лет пяти. Очень бледная. Никогда не улыбается. И она немая, говорят.

— Немая?

— Не говорит ни слова. Но рисует странные картинки. Один рыбак видел, как она сидела на утёсе и рисовала на песке. Круги. Символы. Он сказал, что от тех рисунков у него голова заболела, и он ушёл.

Я слушала и чувствовала, как внутри разрастается холод. Не тот холод, который приходит от страха. Другой. Тот, который приходит от предчувствия. Когда все твои инстинкты кричат: «Беги!», но разум шепчет: «Куда?».

— А няни? — спросила я. — До меня были няни?

Тётушка Мара отвела взгляд. Это длилось всего секунду, но я заметила.

— Были, — сказала она тихо. — Три. За три года.

— И где они сейчас?

— Никто не знает. Они приезжали, работали месяц-другой — и исчезали. Говорят, одну видели в соседнем городе,

но она не помнила, где была и что делала. Как будто кто-то стёр ей память.

— Стер память?

— Магией. Или чем-то похуже.

Она замолчала и снова принялась мыть пол. Я стояла и смотрела на неё. Дождь за окном усилился. Вода хлестала по стеклу, размывая очертания причалов и кораблей.

— Ты хочешь меня напугать? — спросила я.

— Я хочу, чтобы ты подумала, девочка, — ответила она, не поднимая головы. — У тебя нет дара. Ты не сможешь защитить себя, если что-то пойдёт не так. Этот маг — он может быть кем угодно. Убийцей. Коллекционером душ. Тем, кто ищет жертв без силы, потому что с ними легче.

— Или он может быть просто вдовцом, который ищет няню для дочери, — возразила я. — И который заплатит золотом. Достаточно, чтобы я уехала отсюда и начала новую жизнь.

Тётушка Мара покачала головой.

— Ты слишком молода, чтобы быть такой наивной, и слишком стара, чтобы верить в чудеса.

— Я не верю в чудеса, — сказала я. — Я верю в золото.

Я развернулась и пошла к выходу.

Дождь хлестал в лицо, когда я вышла на улицу. Порт Кровавых скал в дождь был ещё более унылым, чем в ясную погоду — мокрые доски причалов блестели как змеиная кожа, канаты скользили под ногами, крики чаек звучали как пред-

смертные хрипы.

Я пошла на склад. Не потому, что собиралась работать. А потому, что нужно было заработать на хлеб, пока я принимаю решение.

Хозяин склада, толстый Грегор, встретил меня у ворот.

— Опоздала, — рявкнул он. — Вычту медяк.

— Вычитай, — ответила я и взялась за ящик.

В тот день я работала как одержимая. Я таскала ящики, бочки, тюки. Мои мышцы кричали, спина ныла, ладони, покрытые мозолями и трещинами, кровоточили. Но я не оставалась. Потому что физическая боль заглушала другую — ту, что грызла изнутри.

Ту, которая родилась в тот момент, когда Райна щёлкнула пальцами и запечатала мой дар.

Я работала до вечера. Заработала семь медяков — больше обычного, потому что Грегор был в хорошем настроении (он выиграл в карты у капитана одного из кораблей). Я купила на рынке краюху хлеба, кусок сыра и два яблока. Села на причале, свесив ноги над водой, и поужинала.

Дождь кончился. Небо очистилось, и на нём зажглись звёзды — сотни, тысячи, миллиарды. Когда-то я смотрела на них и думала о магии. О том, что каждая звезда — это сгусток чистой силы, который можно призвать, если знать правильные слова.

Теперь я смотрела на звёзды и думала: «Какая же ты дура, Сайфер. Ты была лучшей, а стала никем. Ты верила в друж-

бу, а получила нож в спину. Ты думала, что магия — это всё, а теперь у тебя нет даже этого».

Я достала из кармана объявление. Луна светила достаточно ярко, чтобы я могла прочитать его снова.

«Богатому магу-вдовцу требуется няня для дочери...»

Магу. Вдовцу. Стекланный дом на утёсе.

Я представила себе этот дом. Чёрное стекло и белый камень. Окна, выходящие на море. Ветер, который дует с такой силой, что хочется распахнуть руки и полететь.

А потом представила свою каморку. Крыс. Тётушку Мару, которая скоро вышвырнет меня на улицу. Склад, где через месяц меня заменят более сильной грузчицей. Голод. Холод. Одиночество.

«Если ты пойдёшь туда, — сказал внутренний голос, — ты можешь умереть».

«Если я останусь здесь, — ответила я, — я точно умру. Только медленно и мучительно».

Я доела яблоко, бросила огрызок в воду и встала.

Решение пришло не как вспышка озарения. Не как глас божий. Оно пришло как холодный, расчётливый итог долгих размышлений. Как шахматный ход, который ты делаешь, потому что все остальные ведут к мату.

Я иду к этому магу.

Но не как наивная дурочка, которая верит в доброту незнакомцев. Я иду как солдат. Я буду наблюдать, анализировать, искать слабые места. Если он окажется опасным — я

сбегу. Если окажется просто странным — я отработаю своё, получу золото и уеду. На юг. Туда, где нет магии, нет Академии, нет Райны. Туда, где я могу начать новую жизнь.

Там, где никто не знает, что я была Жницей.

К одиночеству я привыкла.

На следующее утро я оделась в свои лучшие вещи — что, впрочем, не означало ничего хорошего. Чистая рубашка (относительно), штаны без дырок (зашитые), плащ (выстиранный вчера вечером в холодной воде, так что он съёжился и теперь едва доходил до колен). Волосы я зачесала назад и туго завязала кожаным шнурком, чтобы не лезли в глаза.

В зеркале — мутном, треснутом, которое висело в общем зале таверны — на меня смотрела чужая женщина. Худая, бледная, с тёмными кругами под глазами. Скулы торчали так остро, что, казалось, могли порезать бумагу. Губы потрескались. Взгляд — тяжелый, настороженный, как у загнанного зверя.

Я не узнавала себя.

— Ты похожа на привидение, — сказала тётушка Мара, подавая мне кружку горячего отвара — бесплатно, впервые за месяц. — Тебя примут за покойницу.

— Спасибо за комплимент, — буркнула я.

— Я серьёзно. Нормальная няня должна выглядеть уютно. Добро. Как пирожок с мясом. А ты — как жердь с глазами.

— У меня нет выбора, — ответила я и отхлебнула отвар. Травяной, горький, но горячий. Тепло разлилось по груди, и

на секунду я почувствовала себя почти человеком.

— Выбор есть всегда, — сказала старуха. — Просто не все хотят его видеть.

Я не стала спорить.

Я вышла из таверны и направилась к причалам. До поместья «Стеклянный дом на утёсе» нужно было идти около часа — сначала по набережной, потом вверх по извилистой тропе, вырезанной в скале. Я никогда не была на том утёсе. Никто из портовых не ходил туда без дела.

Тропа начиналась за старым маяком, который давно не работал. Её почти не было видно — узкая, каменистая, местами осыпающаяся. Море внизу грохотало так, что камни дрожали под ногами.

Я шла и думала.

Если бы у меня была магия, я бы просто перелетела на вершину за десять секунд. Или открыла портал. Или хотя бы создала воздушную подушку, чтобы идти мягче. Но магии не было. Были только мои ноги — уставшие, в стоптанных ботинках — и моя воля, которую я считала нестигаемой.

Воля оказалась на удивление гибкой. Как и всё остальное.

Я поднималась около часа. Ветки хлестали по лицу, камни осыпались из-под ног, пот катился градом. Несколько раз я останавливалась перевести дыхание и смотрела вниз. Порт Кровавых скал выглядел отсюда как игрушечный — маленькие домики, крошечные кораблики, муравьи-люди.

«Я иду, — шептала я себе. — Я иду. Я не сдамся».

И шла дальше.

Верх открылся внезапно. Я вышла на плато, и ветер ударил в лицо с такой силой, что я едва устояла на ногах. Передо мной стоял дом.

Он был прекрасен.

И страшен одновременно.

Чёрное стекло — не крашеное, а настоящее, вулканическое, такое, которое варят из песка, смешанного с кровью драконов — сверкало в лучах утреннего солнца как зеркало. Белый камень, которым были облицованы углы и карнизы, контрастировал с чернотой, создавая впечатление, что дом парит в воздухе. Окна — огромные, от пола до потолка — выходили на море. В них отражались облака, и казалось, что внутри дома живёт само небо.

Вокруг дома был сад. Не обычный сад с яблонями и розами. Сад из чёрных и белых цветов, которых я никогда раньше не видела. Они росли без видимой почвы — прямо на камнях, питаясь, должно быть, магией. Их лепестки светились в сумерках слабым флуоресцирующим светом.

Я стояла у ворот — кованого железа, покрытого серебряной патиной — и сжимала в кулаке листок объявления.

У ворот стоял стражник.

Точнее, я сначала подумала, что это стражник. Высокий мужчина в чёрной форме, с мечом на поясе. Но когда я подошла ближе, я поняла, что он не живой. Глаза у него были стеклянные, движения — слишком плавные, неестествен-

ные. Марионетка. Голем. Магическая кукла, которую запрограммировали охранять вход.

— Назовите цель визита, — произнёс голем голосом, похожим на скрип несмазанной двери.

— Я по объявлению, — сказала я, поднимая листок. — Няня.

Голем вытянул руку. Я отдала ему объявление. Он поднёс его к лицу — точнее, к тому месту, где у живого человека были бы глаза — и замер на несколько секунд.

— Следуйте за мной, — сказал он и развернулся.

Ворота открылись беззвучно.

Я шагнула внутрь.

Сад, который издавна казался диким, вблизи оказался идеально ухоженным. Каждый цветок стоял на своём месте, каждая травинка была подстрижена. Дорожка из белого мрамора вела к входной двери — массивной, из чёрного дерева, с ручкой в виде дракона, сжимающего в пасти кристалл.

Голем поднялся на крыльцо и открыл дверь.

— Ожидайте в холле, — сказал он и отошёл в сторону.

Я вошла.

Холл оказался огромным. Высокий потолок терялся где-то в полумраке, а стены были сделаны из того же чёрного стекла, что и фасад. Сквозь них проходил свет — но не резкий, а мягкий, рассеянный, как в сумерках. Пол был из белого камня, тёплого на ощупь. В центре холла стоял фонтан — вода в нём была чёрной, как чернила, и падала беззвучно.

Магия.

Я чувствовала её кожей. Она витала в воздухе, пропитывала стены, пол, потолок. Она была здесь как дыхание — невидимая, но вездесущая. И она была чужой. Не такой, к какой я привыкла в Академии. Не золотистой, тёплой, живой. Холодной. Серебристой. Опасной.

Мои каналы, пустые и мёртвые, шевельнулись — первый раз за месяц. Не откликнулись, нет. Просто пошевелились, как спящий, который чувствует, что кто-то смотрит на него.

Я стояла в холле, пытаюсь не дышать слишком глубоко, потому что каждый вдох приносил с собой запах магии — озона, древности и чего-то ещё, чего я не могла определить.

— Вы по объявлению?

Голос раздался у меня за спиной.

Я обернулась.

На лестнице, ведущей на второй этаж, стоял мужчина.

Высокий. Широкие плечи. Волосы — тёмные, почти чёрные, с проседью на висках — падали на лицо. Он не носил бороды, но щетина на его скулах была такой густой, что казалась частью лица. Одет он был просто — чёрные брюки, белая рубашка с закатанными рукавами, кожаный жилет. Никаких магических регалий, никаких драгоценностей, никаких побрякушек.

Но глаза.

Глаза у него были нечеловеческие.

Серебряные. Такие светлые, что казались белыми. И в них

отражалась та же магия, которую я чувствовала в воздухе — холодная, опасная, древняя.

Я сжала листок в пальцах.

— Да, — сказала я. — Меня зовут Сайфер. Я по объявлению.

Он спустился по лестнице — медленно, плавно, как хищник. Каждый его шаг отдавался в моей груди глухим эхом. Когда он оказался в трёх шагах от меня, я поняла, что он выше меня на голову, и что от него пахнет не магией — а лесом, дымом и чем-то горьким, как полынь.

— Сайфер, — повторил он моё имя, пробуя его на вкус. — Необычное имя. Как у древних воительниц.

— Меня так назвала мать, — ответила я. — Она была из северных племён.

— Была?

— Умерла.

Он кивнул, не выказывая ни сочувствия, ни сожаления. Просто факт. Есть факты, которые не требуют эмоций.

— У вас нет дара, — сказал он.

Это было не вопросом. Утверждением. Он видел то же, что и магистры в Академии — пустые каналы, серую ткань, отсутствие магии.

— Нет, — подтвердила я. — В объявлении говорилось, что это предпочтительно.

— Да, — он склонил голову набок, рассматривая меня. — Предпочтительно. Потому что магия привлекает неприятно-

сти. А у меня и так их достаточно.

— Ваша дочь, — сказала я. — Ей пять лет?

— Шесть в следующем месяце.

— Немая?

Он сделал паузу. Его серебряные глаза сузились, и на секунду мне показалось, что он сейчас вышвырнет меня вон.

— Не немая, — сказал он наконец. — Не говорит. Но слышит и понимает всё. Отвечает жестами и рисунками. Если вы не готовы работать с таким ребёнком — дверь за вами.

— Я готова, — сказала я.

— Вы выглядите так, будто не ели неделю, — заметил он.

— И боитесь меня. Это умно. Я действительно опасен.

— Я не боюсь, — солгала я.

— Лжёте. Это ещё умнее. Тот, кто не боится, подписывает себе смертный приговор. Тот, кто боится, но идёт вперёд — возможно, выживет.

Он протянул руку. Я не поняла жеста — не пожала, не подала свою. Он заметил моё замешательство и усмехнулся — первый раз за разговор. Усмешка была кривой, недоброй, но не жестокой.

— Объявление, — сказал он. — Отдайте.

Я отдала листок. Он взял его двумя пальцами, поднёс к глазам, и листок загорелся синим пламенем. Ни дыма, ни пепла — просто исчез, как будто его никогда не существовало.

— Теперь, — сказал он, — вы здесь не по объявлению. Вы

здесь по моему приглашению. Это значит, что все условия — мои. Вы работаете на меня. Я плачу вам золотом и защитой. Вы не задаёте лишних вопросов. Вы не заходите в закрытые комнаты. Вы не трогаете вещи, которые не принадлежат вам. Вы не используете магию — хотя здесь она вам и не понадобится, потому что ею пользуются только я и моя дочь.

Он замолчал и посмотрел на меня.

— Вопросы?

Сотня вопросов вертелась у меня на языке. Кто вы? Почему ищете няню без дара? Где предыдущие няни? Что случилось с вашей женой? Почему вы живёте в этом странном доме? Почему ваши глаза серебряные?

Но я вспомнила его слова: «Не задаёте лишних вопросов». И промолчала.

— Нет вопросов, — сказала я.

— Хорошо. Тогда идите за мной. Я покажу вам комнату и познакомлю с дочерью. Её зовут Лира.

Он развернулся и пошёл к лестнице. Я последовала за ним, стараясь ступать бесшумно. Мои ботинки скрипели на белом камне, и этот звук казался кощунством в этой беззвучной, холодной красоте.

Мы поднялись на второй этаж. Коридор был длинным, с высокими окнами, выходящими на море. Сквозь чёрное стекло вода казалась кроваво-красной — наверное, из-за заката, который только начинался.

— Ваша комната будет рядом с комнатой Лир, — сказал

он, останавливаясь у одной из дверей. — На случай, если ей что-то понадобится ночью.

Он открыл дверь.

Комната оказалась маленькой, но красивой. Белые стены, чёрная мебель, кровать с балдахинном, письменный стол, шкаф. На окне — шторы из тяжёлого шёлка, которые не пропускали свет.

— Здесь вы будете жить, — сказал он. — Вещи можете разобрать позже. Сначала — знакомство с Лирой.

Он пошёл дальше по коридору и остановился у следующей двери. Эта дверь была украшена резьбой — цветы, птицы, деревья. Детская рука, неумелая, но старательная, вырезала на дереве какие-то символы. Я узнала их.

Магические руны.

— Она рисует их везде, — сказал он, заметив мой взгляд. — На стенах, на полу, на бумаге. Я не знаю, что они означают. И она не может объяснить.

Он открыл дверь.

Комната Лир была полной противоположностью всему, что я видела до этого. Она была яркой, почти кричащей. Стены были выкрашены в жёлтый и оранжевый — цвета солнца, которого не хватало в этом доме. На полу лежал ковёр из разноцветных лоскутов. Игрушки — деревянные лошадки, тряпичные куклы, механические жуки — были разбросаны по всей комнате.

А в центре комнаты, на ковре, сидела девочка.

Маленькая. Худая. Волосы — белые, как снег, хотя ей было всего пять лет. Глаза — огромные, серые, с длинными ресницами. Она держала в руках кусок мела и рисовала на полу круг. Внутри круга были символы. Те же самые руны, что и на двери.

Когда мы вошли, она подняла голову. Посмотрела на меня.

Я ожидала увидеть страх. Или любопытство. Или хотя бы обычную детскую настороженность.

Но в её глазах было что-то другое.

Знание.

Она смотрела на меня так, будто уже знала меня. Будто ждала. Будто видела меня во сне, и теперь проверяла, совпадает ли реальность.

— Лира, — сказал мужчина мягким голосом, которого я у него ещё не слышала. — Это Сайфер. Она будет жить с нами и присматривать за тобой.

Девочка не отвела взгляда. Она медленно поднялась с пола, и я заметила, что её ноги босые и грязные — хотя пол был чистым. Она сделала шаг ко мне, потом второй.

И вдруг взяла меня за руку.

Её пальцы были холодными. Холодными как лёд. Но в этом холоде была не смерть, а что-то другое. Что-то, что я не могла объяснить.

Она подняла мою руку и приложила к своей щеке. Закрывает глаза.

Она проверяла меня. Чувствовала. Через касание. Как делают маги, когда хотят узнать суть человека.

Но в ней не было магии. Или была? Я не могла понять.

— Она... — начала я.

— Она тебя приняла, — сказал мужчина. В его голосе прозвучало удивление. — Обычно ей нужно несколько дней, чтобы привыкнуть к новому человеку. С тобой — сразу.

Он посмотрел на меня с новым выражением. Не доверием — слишком рано для доверия. Но чем-то похожим.

— Меня зовут Мэриус, — сказал он. — Добро пожаловать в мой дом, Сайфер. Я надеюсь, ты не пожалеешь.

Я посмотрела на девочку, которая всё ещё держала мою руку и не открывала глаз. Посмотрела на мужчину с серебряными глазами.

— Я уже жалею, — сказала я. — Но отступать некуда.

Мэриус усмехнулся — на этот раз почти тепло.

— Тогда приступим.

Глава 1

Дорога к поместью заняла у меня почти полтора часа.

Я не спешила. Не потому, что боялась — хотя боялась, и это было глупо отрицать. А потому, что каждый шаг давался мне с трудом. Тропа, вырубленная в скале, была узкой, местами осыпающейся, и одно неверное движение могло отправить меня в полёт к подножию утёса, где волны разбивали камни в крошево.

Я смотрела под ноги и думала.

О том, что у меня нет дара. О том, что я иду в дом мага, который нанимает только нулей. О том, что предыдущие няни исчезали. О том, что у меня нет выбора.

«Ты солдат, — напомнила я себе. — Ты прошла Академию Теней. Ты видела смерть, предательство, отчаяние. Ты справишься».

Но солдат без оружия — просто мясо.

А я была солдатом без магии. Без щита. Без меча. Без возможности даже зажечь свечу, если вокруг станет слишком темно.

Ветер с моря хлестал по лицу, холодный и солёный. Я подняла голову и увидела его.

Дом.

Он стоял на самом краю утёса, врезаясь в небо острыми шпилями из чёрного стекла. Белый камень, которым были

облицованы углы и карнизы, сверкал в лучах послеполюденного солнца так ярко, что глазам было больно. Огромные окна — от пола до потолка — отражали облака, и казалось, что дом парит между небом и морем.

«Красиво, — подумала я. — И страшно».

Вокруг дома был сад. Чёрные и белые цветы, которых я никогда раньше не видела, росли прямо на камнях, без видимой почвы. Их лепестки тихо светились даже при дневном свете — слабым, фосфоресцирующим свечением, которое заставило мою кожу покрыться мурашками. Магия. Очень старая и очень сильная.

Я подошла к воротам.

Кованое железо, покрытое серебряной патиной. На воротах — герб: дракон, сжимающий в лапах кристалл. Я не узнала этот герб. Значит, Мэриус не принадлежал ни к одному из известных магических домов. Или принадлежал, но к такому древнему, что о нём забыли даже архивариусы Академии.

У ворот стоял стражник.

Только это был не человек.

Я заметила это сразу — по тому, как он стоял. Слишком неподвижно. Слишком прямо. Его глаза были стеклянными, пустыми, а кожа — восковой, неестественно гладкой. Голем. Магическая кукла, запрограммированная на охрану.

— Назовите цель визита, — произнёс он голосом, похожим на скрип несмазанной двери.

Я вытащила из кармана смятый листок объявления.

— Я по объявлению. Няня.

Голем вытянул руку. Я отдала листок. Он поднёс его к тому месту, где у живого человека были бы глаза, и замер. Потом кивнул — механически, с лёгким скрипом шестерёнок.

— Следуйте за мной.

Ворота открылись беззвучно.

Я шагнула внутрь и сразу пожалела, что не взяла с собой кого-нибудь. Любого. Даже того пьяного грузчика, который на прошлой неделе пытался затащить меня в подворотню. Потому что магия здесь была везде.

Она витала в воздухе, пропитывала землю, струилась по стенам дома как невидимые реки. Она была холодной, серебристой, чужой. Не такой, к какой я привыкла в Академии. Моя магия — бывшая моя магия — была золотистой и тёплой, как летнее солнце. Она пахла мёдом и грозой. Эта пахла озоном, древностью и смертью.

Мои каналы шевельнулись.

Я почти физически ощутила, как они сжались, как отпрянули от этой чужеродной силы. Они были пусты, забыты, но инстинкт остался. И этот инстинкт кричал: «Беги! Это не твоя магия. Это магия хищника».

Я не побежала.

Я сжала кулаки и пошла за големом по белой мраморной дорожке.

Сад, который издавна казался диким, вблизи оказался идеально ухоженным. Каждый цветок стоял на своём месте,

каждая травинка была подстрижена. Но в этой красоте было что-то неестественное, почти болезненное. Как будто сад был не живым, а нарисованным. Как будто кто-то заставил растения расти по линейке, сломав их волю.

«Как ты сломала мою волю, Райна», — подумала я и тут же отогнала эту мысль.

Голем поднялся на крыльцо и открыл дверь. Я вошла в холл и замерла.

Потолок терялся где-то в полумраке. Стены из чёрного стекла отражали мой собственный силуэт — худой, сгорбленный, жалкий. Пол из белого камня был тёплым на ощупь даже сквозь подошвы моих стоптанных ботинок. В центре холла бил фонтан, но вода в нём была чёрной, как чернила, и падала без единого звука.

Тишина.

Оглушительная, давящая тишина.

Ни птиц, ни ветра, ни даже шума моря, хотя дом стоял на утёсе. Магия поглощала все звуки, оставляя только моё собственное дыхание — слишком громкое, слишком паническое.

— Вы по объявлению?

Голос раздался у меня за спиной.

Я обернулась так резко, что хрустнула шея.

На лестнице стоял мужчина.

Я уже видела его раньше — в своих кошмарах, которые начались после потери дара. В этих кошмарах всегда была

тьма и чьи-то серебряные глаза, смотрящие на меня без жалости.

Теперь глаза были настоящими.

Он спустился по лестнице медленно, как хищник, который не сомневается в своей добыче. Тёмные волосы, почти чёрные, с проседью на висках. Щетина на скулах — густая, небритая, но не неряшливая. Белая рубашка с закатанными рукавами открывала предплечья, покрытые тонкими шрамами — старыми, почти белыми. Чёрные брюки, кожаный жилет.

Никаких магических побрякушек. Ни амулетов, ни кристаллов, ни ритуальных колец.

Но я знала.

Я чувствовала кожей, что этот человек — одна из самых сильных магических единиц, которых я когда-либо встречала. Сильнее магистров Академии. Сильнее Райны. Сильнее меня — той меня, у которой было четырнадцать нитей дара.

— Да, — сказала я. Голос не дрожал. Это была маленькая победа. — Меня зовут Сайфер.

Он остановился в трёх шагах от меня. Достаточно близко, чтобы я могла разглядеть его глаза — серебряные, такие светлые, что казались белыми. В них отражалась та же холодная магия, что витала в воздухе.

— Сайфер, — повторил он, и в его голосе не было ни насмешки, ни интереса. Только констатация факта. — Имя с северным акцентом.

— Моя мать была из северных племён.

— Была?

— Умерла.

Он кивнул — сухо, без намёка на сочувствие. Я не обижалась. Я не ждала сочувствия от незнакомого мага, который ищет няню без дара.

— У вас нет магии, — сказал он.

Утверждение, не вопрос.

— Нет.

— Совсем?

— Совсем.

— От рождения или потеряли?

Я замерла. Этот вопрос был ловушкой. Если я скажу «потеряла», он спросит как и почему. Если скажу «от рождения» — он может проверить. Маги видят старые каналы. Он увидит, что они были.

— Потеряла, — сказала я, потому что врать магу о магии было бесполезно. — Несчастный случай на экзамене. Источник схлопнулся.

— Несчастный случай? — он склонил голову набок, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на иронию. — Магические источники не схлопываются сами по себе. Их запечатывают или разрушают.

— Тогда мне запечатали, — сказала я. — Я не знаю, кто и как. Но результат вы видите.

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. Я вы-

держала его. Я смотрела в эти серебряные глаза и не отводила взгляда, хотя внутренности скручивало от страха.

— Вы не боитесь меня, — сказал он.

— Боюсь, — честно ответила я. — Но не настолько, чтобы врать.

Уголок его губ дёрнулся. Не улыбка — скорее, тень улыбки.

— Это хорошо. Те, кто не боится магов, обычно глупы или самоубийцы. Вы не выглядите ни тем, ни другим.

— Я просто хочу работать, — сказала я. — И получить золото. И защиту. В объявлении обещали и то, и другое.

— Да, — он кивнул. — Обещали. Но сначала — разговор и знакомство с моей дочерью.

Он развернулся и пошёл к лестнице, не оглядываясь. Я последовала за ним, стараясь ступать тихо — мои ботинки всё равно скрипели, и этот звук казался кошунством в беззвучном холле.

Мы поднялись на второй этаж. Коридор был длинным, с высокими окнами из чёрного стекла. Сквозь них я видела море — чёрное, как чернила, хотя на улице был день. Магия меняла цвета. Магия меняла реальность.

— Ваша комната будет рядом с комнатой Лиры, — сказал Мэриус, открывая одну из дверей. — На случай, если ей что-то понадобится ночью.

Я заглянула внутрь. Маленькая, но красивая комната. Белые стены, чёрная мебель, кровать с балдахином. На окне —

шторы из тяжёлого шёлка, которые не пропускали свет.

— Вещи можете разобрать позже, — сказал он. — Сначала — знакомство.

Он пошёл дальше и остановился у следующей двери. Эта дверь была украшена резьбой — цветы, птицы, деревья. Но я заметила другое. На дереве, на высоте детской руки, были вырезаны символы. Магические руны. Древние. Я узнала некоторые из них — «защита», «память», «возвращение». Другие были мне незнакомы.

— Это Лира, — сказал Мэриус, заметив мой взгляд. — Она рисует их везде. На стенах, на полу, на бумаге. Я не знаю, что они означают. Она не может объяснить.

Он открыл дверь.

Детская комната была полной противоположностью всему, что я видела до этого. Яркие, почти кричащие цвета — жёлтый, оранжевый, красный. Ковёр из разноцветных лоскутов. Игрушки — деревянные лошадки, тряпичные куклы, механические жуки — разбросаны по полу.

А в центре комнаты, на ковре, сидела девочка.

Маленькая. Худая. Волосы — белые, как снег, хотя ей было всего пять лет. Глаза — огромные, серые, с длинными ресницами. Она держала в руках кусок мела и рисовала на полу круг. Внутри круга были символы. Те же самые руны, что и на двери.

Когда мы вошли, она подняла голову.

Я ожидала увидеть страх. Или любопытство. Или хотя бы

обычную детскую настороженность.

Но в её глазах было что-то другое.

Знание.

Она смотрела на меня так, будто уже знала меня. Будто ждала. Будто видела во сне много раз, и теперь проверяла, совпадает ли реальность.

— Лира, — сказал Мэриус, и его голос изменился. Стал мягче. Теплее. Я поняла, что этого голоса он не использует ни с кем, кроме дочери. — Это Сайфер. Она будет жить с нами и присматривать за тобой.

Девочка не отвела взгляда. Она медленно поднялась с пола — и я заметила, что её ноги босые и грязные, хотя пол был чистым. Она обошла свой рисунок по кругу, не наступая на символы.

Она подошла ко мне.

Не к отцу. Ко мне.

Остановилась в шаге, задрала голову — я была выше на целую голову, хотя сама была невысокой — и посмотрела на меня снизу вверх.

Потом протянула руку.

Её пальцы были тонкими, почти прозрачными. Ногти — грязные, с остатками мела. Она дотронулась до моей ладони.

Холод.

Не тот холод, который бывает от ветра или воды. Другой. Внутренний. Как будто она коснулась не моей кожи, а моих каналов — пустых, мёртвых, но всё ещё чувствительных.

Она закрыла глаза.

Дышала ровно, спокойно. Её пальцы скользнули по моей ладони вверх, к запястью. Там, где под кожей когда-то пульсировали золотые нити.

— Она проверяет тебя, — тихо сказал Мэриус. — Не мешай.

Я не двигалась. Я стояла, чувствуя, как холодные детские пальцы исследуют мои вены, мои каналы, мою пустоту. Это было жутко. Это было неправильно. Но я не отдёрнула руку. Потому что в этом холоде не было угрозы.

Было одиночество.

Такое же огромное, как моё.

Лира открыла глаза. Посмотрела на меня. И кивнула — один раз, серьёзно, как взрослый.

Она одобрила меня.

Я не знала, радоваться мне или пугаться.

— Она приняла тебя, — сказал Мэриус, и в его голосе прозвучало удивление. — Обычно ей нужно несколько дней, чтобы привыкнуть. С тобой — сразу.

— Может быть, она чувствует, что у меня нет магии, — предположила я. — Может быть, нули для неё безопаснее.

— Может быть, — согласился Мэриус, но в его глазах я прочитала, что он так не думает.

Лира отпустила мою руку, развернулась и вернулась к своему рисунку. Села на пол, взяла мел и продолжила рисовать, как будто ничего не произошло.

— Пойдём, — сказал Мэриус. — Я расскажу тебе о правилах и обязанностях.

Он вышел в коридор. Я последовала за ним, оставив дверь в детскую открытой.

Мы спустились на первый этаж, прошли через холл и оказались в комнате, которая, видимо, служила кабинетом. Тёмное дерево, тяжёлые шторы, стеллажи с книгами — многие были древними, в кожаных переплётах с медными застёжками. На столе — магический кристалл, который слабо пульсировал серебряным светом.

Мэриус жестом указал мне на стул. Я села. Он остался стоять, прислонившись к столу.

— Твои обязанности просты, — начал он. — Следить за Лирой. Кормить, одевать, купать. Играть с ней, гулять, читать книги. Обучать основам этикета — когда она будет готова. Спать в соседней комнате и приходить, если она позвёт.

— Она может позвать? — уточнила я. — Вы сказали, она немая.

— Не говорит, — поправил он. — Но она может плакать, стучать по стене или приходить к тебе сама. Она очень самостоятельная для своих лет.

— А магия? — спросила я. — У неё есть дар?

Мэриус помолчал. Его серебряные глаза потемнели.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — В ней есть что-то, но это не обычная магия. Экзаменаторы из Академии не

смогли определить её потенциал. Сказали, что такого никогда не видели.

— Поэтому вы ищете няню без дара, — поняла я. — Потому что маги притягивают магию. А если рядом с Лирой окажется кто-то с даром, её... особенности могут проявиться нежелательно.

Мэриус посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ты умна, — сказал он. — Это хорошо. Но это и опасно.

— Почему?

— Потому что умные люди задают вопросы. А ответы им могут не понравиться.

Он отошёл от стола и подошёл к окну. Море за чёрным стеклом казалось спокойным, почти мёртвым.

— Предыдущие няни, — сказала я. — Их было три?

— Да.

— Где они сейчас?

Мэриус не обернулся.

— Одна уволилась, — сказал он. — У неё были семейные обстоятельства. Другая заболела и уехала лечиться в столицу. Третья...

Он замолчал.

— Третья? — переспросила я.

— Исчезла.

Его голос был ровным. Никакой эмоции. Словно он говорил о погоде.

— Исчезла? Как?

— Не знаю. Проснулась утром — а её нет. Вещи остались, плата за месяц — тоже. Как будто растворилась.

— Вы искали её?

— Да. Мои люди обыскали весь порт и окрестности. Ничего.

— И вы не беспокоитесь? — я не скрывала иронии. — Няня исчезает из вашего дома, а вы спокойно нанимаете следующую?

Мэриус наконец обернулся. Его лицо было непроницаемым.

— Я защищаю свой дом лучше, чем ты можешь себе представить, — сказал он холодно. — Если она исчезла, то только потому, что захотела исчезнуть. Или потому, что кто-то очень сильный помог ей.

— И вы не знаете, кто?

— Знаю, — он сделал паузу. — Но это не твоя забота. Твоя забота — Лира. Ты присматриваешь за ней, получаешь золото. Не лезешь в мои дела — и доживёшь до конца контракта.

— А если я всё же полезу?

Он усмехнулся — на этот раз откровенно злой усмешкой.

— Тогда ты рискуешь повторить судьбу предыдущих нянь. Исчезнуть. Или остаться, но пожалеть об этом.

Я сжала кулаки под столом. Он угрожал мне. Холодно, без крика, без жестов — просто по факту. И я поверила ему.

Но я не отступлю.

— Поняла, — сказала я. — Не лезу в ваши дела. Присматриваю за Лирой. Получаю золото. Когда контракт закончится — ухожу.

— Правильно, — кивнул Мэриус. — Ты быстро учишься. Он дал мне ещё несколько инструкций: где находится кухня, когда Лиру нужно кормить, какие вещи нельзя давать ей в руки (острые, магические, опасные), какие комнаты закрыты для меня.

— Запертые двери не трогай, — сказал он, и в его голосе появилось железо. — Это не для тебя. Если увидишь закрытую дверь — проходи мимо. Даже если услышишь что-то с той стороны.

— Даже если мне покажется, что кому-то нужна помощь?
— Особенно тогда.

Он посмотрел на меня так, что я поняла: он не шутит.

— Хорошо, — сказала я.

— Тогда иди. Обустраивайся. Сегодня ужин в семь. Лиру кормить в шесть. Я сам покажу тебе, как разогревать её еду.

Я встала и вышла из кабинета.

В коридоре я остановилась, прислонилась спиной к стене и выдохнула. Воздух дрожал вокруг меня от магии, чужой и враждебной. Мои каналы ныли — не от боли, а от тоски. Они помнили, каково это — быть наполненными силой. Сейчас они были пусты, и эта пустота чувствовалась особенно остро в доме, где магия текла реками.

«Ты справишься, — сказала я себе. — Ты справишься.

Три месяца. Максимум — полгода. Заработаешь золото и уйдёшь. На юг. Туда, где нет магии, нет Мэриуса, нет его серебряных глаз».

Я поднялась в свою комнату, разобрала вещи — три рубашки повесила в шкаф, штаны сложила на полку, отцовский кинжал положила под подушку. Я не умела им толком пользоваться, но его тяжесть успокаивала.

Потом я вернулась в комнату Лиры.

Девочка сидела на том же месте, но рисунок на полу изменился. Теперь это был не просто круг с символами. Это была картина. Звёзды, луна, море, а на берегу — три фигуры. Высокий мужчина, женщина и маленькая девочка.

Я узнала Мэриуса и Лиру.

Женщина была мне незнакома. Красивая, с длинными волосами, в платье, которое струилось как вода. Её лицо было размытым — Лира не прорисовала черты, только контур.

— Это твоя мама? — спросила я.

Лира посмотрела на меня. Кивнула.

— А это кто? — я показала на мужскую фигуру.

Она покачала головой — не папа. Кто-то другой.

Я не стала спрашивать больше. Мэриус предупредил: не задавать лишних вопросов. А рисунок Лиры был вопросом, на который она сама не могла ответить.

Я села на пол рядом с девочкой. Взяла кусок мела и нарисовала рядом с её фигурами цветов — простой, неумелый, но я старалась.

Ли́ра посмотре́ла на моё́ рисуно́к, пото́м на ме́ня. И улы́б-
ну́лась.

Перво́ый раз за всё́ вре́мя.

Улы́бка была́ робко́й, неуве́ренной, но насто́ящей. И от
этой улы́бки моё́ се́рдце сжа́лось.

«Она́ всего́ лишь ребё́нок, — подумала́ я. — Како́й бы
стра́нной она́ ни была́. И у неё́ нет́ нико́го, кро́ме этого́ хо-
ло́дного, опа́сного от́ца».

Я в́друг поня́ла, что мы́ с Ли́рой похо́жи. Обе́ поте́ряли
мате́рей. Обе́ жи́ли в ми́ре, кото́рый не́ был со́здан для́ нас.
Обе́ были́ окру́жены ма́гией, кото́рую не́ могли́ контро́лиро-
вать.

То́лько она́ — пото́му что её́ да́р был сли́шком стра́нным.
А я — пото́му что у ме́ня его́ не́ было́ вооб́ще.

Мы́ просиде́ли на по́лу око́ло ча́са. Ли́ра рисо́вала, я смот-
ре́ла. Ино́гда она́ показыва́ла на како́й-нибу́дь симво́л, и я на-
зы́вала его́, е́сли зна́ла. Е́сли не́ зна́ла — по́жимала́ плеча́ми,
и она́ кива́ла, как бу́дто гово́рила: «Ни́чего, я то́же не́ зна́ю».

В ше́сть я покорми́ла её́ ужи́ном. Ме́риус объ́яснил, как
разо́гревать ка́шу и наре́зать ф́рукты. Он де́лал это́ корот́ко,
бе́з лиш́них сло́в, но я заме́тила, как он смотре́т на до́чь — с
тако́й не́жностью́, кото́рая не́ вяза́лась с его́ холо́дным то́ном.

В се́мь мы́ ужи́нали втро́ём. Сто́л был дли́нным, и мы́ си-
де́ли на разны́х кон́цах — Ме́риус во́ главе, Ли́ра спра́ва от
не́го, я сле́ва.

Е́да была́ просто́й, но вку́сной. Мясо́, ово́щи, хле́б. Я да́вно

не ела так хорошо.

Мэриус почти не разговаривал. Лира — тем более. Тишина была густой, давящей, но я не нарушала её.

После ужина я помыла посуду (магия на кухне тоже была — вода лилась из крана сама, без насоса, но я старалась не обращать внимания) и уложила Лиру спать. Она не сопротивлялась, но перед сном взяла меня за руку и сжала три раза.

— Что это значит? — спросила я.

Она показала на сердце, потом на меня.

«Ты мне нравишься?» — поняла я.

Лира кивнула и закрыла глаза.

Я посидела рядом, пока её дыхание не стало ровным. Потом встала, потушила свечу и вышла в коридор.

В доме было темно. Только магические кристаллы на стенах давали слабый серебряный свет, но он скорее подчёркивал тьму, чем рассеивал её.

Я пошла в свою комнату.

Но уснуть не могла.

Я лежала на кровати, смотрела в потолок и думала. О Лире, о Мэриусе, об исчезнувшей няне. О том, что я вляпалась во что-то, о чём даже не догадываюсь.

«Не лезь в закрытые комнаты, — повторила я про себя слова Мэриуса. — Не задавай лишних вопросов. Не ищи ответы».

Но солдат во мне — тот, который выжил в Академии Те-

ней — привык знать. Привык изучать обстановку, искать слабые места, готовиться к удару.

«Ты больше не солдат, — возразила я себе. — Ты няня. Твоё оружие — терпение и забота. Не магия, не меч. Просто ты».

Я почти уснула, когда услышала это.

Плач.

Тихий, сдавленный, похожий на всхлипы. Он доносился откуда-то снизу. Из подвала.

Я села на кровати.

Сердце забилося быстрее.

«Запертые двери не трогай. Даже если услышишь что-то с той стороны».

Плач повторился. Теперь я была уверена — это не Лира. Лира спала в соседней комнате, и я слышала её ровное дыхание через стену.

Это был кто-то другой.

Или что-то другое.

Я встала. Надела ботинки, взяла из-под подушки кинжал. Его холодная тяжесть в руке немного успокоила меня.

«Не ходи, — шепнул здравый смысл. — Ты здесь чужая. Ты без магии. Ты умрёшь, если что-то пойдёт не так».

«А если там кто-то нуждается в помощи? — ответило мне другое. — Как та исчезнувшая няня? Как ты сама нуждалась в помощи, когда Райна запечатала твой дар?»

Я вышла в коридор.

Кристаллы светили слабо, но я знала, где находится лестница в подвал — Мэриус показывал её днём, когда водил меня по дому. «Сюда не ходи, — сказал он тогда, открывая тяжёлую дубовую дверь в конце коридора. — Там подвал, там сыро и холодно. И заперто».

Но сейчас дверь была приоткрыта.

Я остановилась перед ней, сжимая кинжал. Мои руки дрожали — от страха или от холода, я не знала.

Из-за двери снова донёсся плач. Теперь я различала в нём слова.

— Не надо... пожалуйста... я не хочу...

Женский голос. Тонкий, умоляющий.

Я толкнула дверь.

Она открылась беззвучно, и я ступила на каменную лестницу, ведущую вниз. Ступени были влажными, скользкими. Пахло сыростью, плесенью и ещё чем-то — сладковатым, приторным, как старые цветы.

Я спускалась медленно, стараясь не шуметь. Кинжал я держала перед собой, хотя понимала, что против магии он бесполезен.

Внизу горел один-единственный магический светильник — серебряный шар, парящий под потолком. Он освещал небольшую комнату без окон, с каменными стенами, покрытыми рунами.

Руны светились.

И в центре комнаты...

Я замерла на последней ступеньке.

Там висела картина.

Огромный портрет в позолоченной раме. На нём была изображена женщина — красивая, с длинными тёмными волосами, в белом платье. Глаза у неё были серые, такие же, как у Лиры.

Она была живая.

Не картина. Портрет. Но женщина на нём дышала. Её грудь поднималась и опускалась. Её глаза двигались — слева направо, как будто она искала что-то.

И она плакала.

Слёзы текли по её щекам, но не падали на пол. Они исчезали, не долетая до нижней кромки холста.

— Помогите, — прошептала она, увидев меня. — Пожалуйста... помогите...

Я не могла двинуться.

Потому что я узнала её.

Это была жена Мэриуса.

Мёртвая жена Мэриуса.

Или не мёртвая?

Она протянула руку — из портрета, сквозь холст, как будто между нами не было преграды. Её пальцы дрожали.

— Он держит меня здесь, — сказала она. — Три года. Он не даёт мне уйти. Ты должна... ты должна меня освободить...

Я сделала шаг назад.

Портрет зашевелился сильнее — женщина подалась вперёд, и её плечи, грудь, руки показались из рамы. Она пыталась вылезти из своей западни.

— Не бойся, — шептала она. — Я не причиню тебе вреда. Я просто хочу... домой... к дочери...

— Лира, — выдохнула я.

— Да, — женщина заплакала ещё сильнее. — Она там, наверху? Она жива? Она... она помнит меня?

Я не знала, что ответить. Моё тело оцепенело. Разум отказывался верить тому, что я видела.

— Мэриус, — сказала я. — Он знает?

— Он, — женщина горько усмехнулась. — Это он сделал меня такой. Запер в портрете. Чтобы я не мешала. Чтобы я не забрала у него Лиру.

— Но вы же... вы умерли, — сказала я. — Мне сказали, вы умерли.

— Я и умерла, — ответила она. — Но он не даёт мне покоя. Моя душа заперта здесь. В этой картине. В этом доме. Я не могу уйти. Я не могу даже умереть по-настоящему.

Её рука — бледная, почти прозрачная — вытянулась ко мне.

— Помоги мне, — прошептала она. — Разбей портрет. Или сними руны со стены. Пожалуйста. Я больше не могу... каждую ночь я оживаю и плачу. А он приходит и смотрит. Смотрит и молчит. Он мучает меня...

Я подняла кинжал.

Женщина замерла, глядя на лезвие с надеждой и страхом.

— Ты хочешь освободить меня? — спросила она.

— Я хочу понять, — сказала я. — Ты — ловушка? Или ты настоящая?

— Я настоящая, — прошептала она. — Клянусь всеми богами. Я — Серафина, жена Мэриуса, мать Лиры. Я умерла не своей смертью. И я заслуживаю покоя.

Я посмотрела на руны на стенах. Они пульсировали серебряным светом — такой же магией, какой был пропитан весь дом.

Если я сниму их... что произойдёт?

Освободится ли она? Или разрушится всё поместье?

Или Мэриус убьёт меня за то, что я тронула то, что не должна была трогать?

«Не лезь в закрытые комнаты, — вспомнила я. — Особенно если услышишь, что кому-то нужна помощь».

Но женщина плакала.

И я знала, что если уйду сейчас, то никогда себе этого не прощу.

Я сделала шаг вперёд.

Подняла кинжал.

И занесла его над руной.

Глава 2

Я никогда не думала, что убивать так трудно.

Не в моральном смысле — в Академии меня учили, что иногда смерть необходима. Я имела в виду физическую сторону. Рука дрожит, лезвие кажется слишком тяжёлым, воздух становится плотным, как смола. И когда ты заносишь оружие над тем, кто просит о пощаде — пусть даже эта пощада называется «освобождением» — в груди что-то сжимается.

Портретная женщина смотрела на меня серыми глазами Лиры. Её рука всё ещё тянулась ко мне, тонкая, полупрозрачная, с длинными бледными пальцами.

— Ударь, — прошептала она. — Пожалуйста. Я хочу умереть по-настоящему.

— Я не...

— Ты слышишь меня?

Я открыла рот, чтобы ответить, но слова застряли в горле. Потому что за спиной раздался голос.

Ледяной. Тихий. Едва сдерживающий ярость.

— Отойди от портрета, Сайфер.

Я замерла. Кинжал застыл в занесённой руке, как крыло подстреленной птицы.

Мэриус стоял на нижней ступеньке лестницы. В одной руке он держал магический светильник — серебряный шар, ко-

торый пульсировал в такт его дыханию. Другая рука была свободна, но я видела, как на его пальцах загораются тонкие серебряные нити — магия, готовая ударить.

Его глаза были белыми.

Не серебряными — белыми, как раскалённый металл.

— Я сказал — отойди, — повторил он. — Медленно. Не делай резких движений.

— Она просила освободить её, — сказала я, не опуская кинжал. — Она плакала. Она сказала, что вы держите её здесь против воли.

— Конечно, сказала, — Мэриус усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Она всегда так говорит. Потому что она — ловушка. И её задача — заставить тебя сделать что-то глупое.

— Ловушка?

— Для убийцы моей жены. — Он шагнул вперёд, и я инстинктивно отступила к стене, но не опустила кинжал. — Та, кого ты видишь, — не Серафина. Это отражение памяти. Магический конструкт, созданный из её последних мгновений. Он повторяет одни и те же фразы, одни и те же жесты. Сто ночей подряд. Тысячу. Она не живая. Она не чувствует. Она просто... запись.

— Но она плакала, — возразила я. — У неё текли слёзы.

— Отражение плачет, потому что в момент смерти Серафина плакала. — Голос Мэриуса дрогнул. Один раз. Всего на секунду. Но я услышала. — Это магия памяти. Самый же-

стокий вид магии. Я не могу её уничтожить, потому что тогда я потеряю последний след моей жены. И я не могу её освободить, потому что её душа уже там, куда мне не добраться.

— Вы мучаете её.

— Я мучаю себя, — поправил он. — Каждую ночь. Каждую ночь я спускаюсь сюда и смотрю на неё. Иногда я говорю с ней. Иногда просто сижу. И каждую ночь она просит меня отпустить её. И каждую ночь я отказываюсь.

Он шагнул ко мне. Теперь его лицо было в двух шагах. Я видела морщины у глаз, которых днём не заметила. Видела, как дёргается вена на виске.

— Отойди от портрета, — сказал он в третий раз. — Положи кинжал. И иди наверх. Утром мы поговорим.

— Вы меня убьёте?

— Если бы хотел убить, ты была бы уже мертва, — ответил он без тени бравады. Просто факт. — Иди, Сайфер. Не заставляй меня жалеть, что я взял тебя.

Я опустила кинжал.

Не потому, что испугалась — хотя испугалась, ещё как. А потому, что в его глазах я увидела не гнев. Я увидела боль. Ту самую боль, которую носила в себе с того дня, как Райна запечатала мой дар. Потеря. Бессилие. Отчаяние, приправленное злостью на весь мир.

Я медленно убрала кинжал за пояс и направилась к лестнице.

Проходя мимо Мэриуса, я почувствовала запах — лес, дым,

попынь. И под этим запахом — что-то ещё. Кровь. Старая, засохшая, ввевшаяся в кожу.

Он не спал сегодня. Как и я. Он стоял где-то в темноте и ждал, когда я пойду в подвал.

Он знал, что я пойду.

И он хотел, чтобы я пошла.

Я поднялась во второй этаж не оглядываясь. Дверь в подвал со стуком захлопнулась за моей спиной — я не видела, закрывал ли её Мэриус магией или просто рукой. Мне было всё равно.

В комнате я рухнула на кровать и уставилась в потолок.

Потолок был белым. Идеально белым. Как будто никто никогда на него не смотрел.

«Ты вляпалась, Сайфер, — сказал внутренний голос. — Ты вляпалась в дерьмо по самую макушку. И теперь ты не можешь уйти, потому что у тебя нет денег, нет магии, нет дома. Но если ты останешься — ты можешь не выжить».

Я закрыла глаза.

Портретная женщина с серыми глазами Лиры всё ещё стояла перед моим внутренним взором. Её рука, тянущаяся ко мне. Её слёзы.

«Отражение памяти», — сказал Мэриус.

Но если это просто отражение, почему оно просило о помощи?

Почему в его голосе было столько отчаяния?

«Не думай об этом, — приказала я себе. — Не думай. Спи.

Утром будет новый день».

Я не спала почти до рассвета.

Утром я встала разбитая, с тяжёлой головой и кругами под глазами. Умылась ледяной водой из кувшина, оделась, привела волосы в порядок. В зеркале — здесь было нормальное зеркало, не мутное, как в таверне — я увидела ту же чужую женщину. Худую, бледную, с тёмными провалами под глазами.

Но в её взгляде появилось что-то новое.

Жесткость.

Я спустилась на первый этаж. Мэриус уже был в столовой. Он сидел во главе стола, перед ним стояла чашка с чёрным чаем и тарелка с тостами. Он не ел. Просто смотрел в окно на море.

— Садись, — сказал он, не оборачиваясь. — Ешь.

Я села на своё место — слева от него, как вчера. На столе стояла тарелка с овсяной кашей, кусок сыра, хлеб и кружка молока.

— Вы не спите, — сказала я.

— Я вообще мало сплю.

— Из-за портрета?

Он повернулся ко мне. Его глаза были серыми сегодня — не серебряными, не белыми, а просто серыми, как у уставшего человека.

— Из-за всего, — ответил он. — Лира, портрет, политика, война, которая может начаться в любой момент... список

длинный. Ты не представляешь, насколько длинный.

— Тогда объясните, — сказала я. — Зачем вам няня без дара? Зачем вы построили этот дом на утёсе? Кто убил вашу жену? И почему портрет всё ещё здесь?

— Много вопросов для семи утра, — усмехнулся он. — Но ты имеешь право знать.

Он отодвинул чашку и сложил руки на столе. Я заметила, что его пальцы были длинными, красивыми — как у пианиста или хирурга. Ни одного кольца. Ни одного магического амулета.

— Мою жену отравили, — сказал он. — Три года назад. Прямо здесь, в этом доме, за ужином. Она выпила вино, и через минуту начала задыхаться. Я пытался спасти её, но яд был магическим. Не антидотом. Не исцелением. Он разъедал душу быстрее, чем тело.

— Кто отравил?

— Я не знаю. — Его челюсть напряглась. — Я ищу уже три года. У меня есть подозрения, но нет доказательств. И поэтому я создал портрет.

— Отражение памяти, — кивнула я.

— Он работает как ловушка. Убийца не мог удержаться — он или она должен был прийти и посмотреть на результат своего преступления. Или закончить дело, если Серафина выжила. Каждую ночь портрет «оживает», и каждая живая душа, коснувшаяся яда, чувствует притяжение.

— И кто-то приходил?

Мэриус помолчал.

— Да, — сказал он наконец. — Приходили. Три человека. Но все они были марионетками. Исполнителями. Настоящий заказчик до сих пор неизвестен.

— И вы думаете, что он или она придёт снова?

— Я надеюсь.

Он сказал это так спокойно, так буднично, что у меня по спине побежали мурашки. Он ждал убийцу. Годами. И держал для него ловушку, в которую чуть не попалась я.

— Вчера вы сказали, что портрет — не живой, — я решила сменить тему. — Почему же он плакал?

— Потому что в момент смерти Серафима плакала, — повторил он. — И потому что я записал в конструкторе её последние слова. Она просила пощады. Она умоляла. И отражение повторяет это снова и снова.

— Это жестоко, — сказала я.

— Я знаю.

— Вы могли бы уничтожить портрет и дать ей покой.

— Я не могу.

— Потому что не хотите отпускать.

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом. Я не отвела глаз.

— Потому что если я уничтожу портрет, — сказал он медленно, — я уничтожу единственное доказательство, которое может указать на убийцу. В конструкторе зашифрованы магические отпечатки всех, кто к нему приближался. Если я со-

тру руны — я сотру и их.

— Вы держите душу вашей жены в магической тюрьме ради расследования.

— Я держу отражение её памяти, — поправил он. — Её душа уже ушла. Ты можешь называть это тюрьмой. Я называю это справедливостью.

Я хотела возразить, но не стала. Потому что увидела в его глазах то, что он пытался скрыть — стыд. Он знал, что это неправильно. Он знал, что Серафина заслуживает покоя. Но он не мог остановиться.

Как я не могла остановиться, когда пыталась вернуть свой дар, хотя знала, что это бесполезно.

— Ладно, — сказала я. — Я больше не полезу в подвал.

— Обещаешь?

— Обещаю, что не полезу, пока не получу ответы на свои вопросы, — уклончиво ответила я.

Мэриус покачал головой, но не стал настаивать.

После завтрака я поднялась к Лире. Девочка уже проснулась и сидела на кровати, обняв колени. Увидев меня, она улыбнулась — той робкой улыбкой, которая появилась вчера.

— Ты не спала? — спросила я, садясь рядом.

Она покачала головой. Потом взяла мелок, который лежал на тумбочке, и нарисовала на деревянной поверхности кружок, а внутри — точку.

— Что это?

Ли́ра показала на меня, потом на точку, потом на дверь.

— Ты хочешь сказать, что видела меня ночью? Что я выходила?

Она кивнула. Её серые глаза стали серьёзными, почти взрослыми. Потом она нарисовала ещё одну фигуру — высокую, с длинными руками. И зачеркнула её крестом.

— Мэриус? — спросила я. — Ты видела отца?

Она кивнула и показала на свои глаза — «я видела», потом на сердце — «мне было страшно».

— Он не сделал мне больно, — сказала я. — Он просто... пришёл поговорить.

Ли́ра недоверчиво посмотрела на меня. Потом взяла мелок и нарисовала на стене символ — ру́ну «защита». Обвела её три раза и постучала по ней пальцем.

— Ты хочешь меня защитить? — спросила я.

Она кивнула и сжала мою руку.

Горло сдавило. Эта маленькая немая девочка, которая видела будущее или прошлое или что-то ещё, чего я не понимала, пыталась меня защитить. Меня — солдата Академии Теней, бывшую боевую ученицу, которая видела смерть и убивала (почти убивала) врагов.

— Спасибо, — сказала я. — Но я сама справлюсь. Я сильная.

Ли́ра покачала головой и показала на мои руки — пустые, без магии. «Ты не сильная, — говорил её жест. — Ты уязвимая. И я это вижу».

Она была права.

После завтрака Лира села рисовать на полу, а я решила осмотреть дом. Не тайно — открыто. Мэриус не запрещал мне гулять по коридорам, кроме запертых дверей. А запертых было много.

Я заглянула в библиотеку — огромную комнату с книгами от пола до потолка. Там пахло кожей, пылью и магией. Часть книг были на незнакомых мне языках. Часть — на древнем наречии, которое преподавали только на четвёртом курсе Академии. Я не успела его выучить.

Я заглянула в музыкальную гостиную — там стоял рояль, закрытый чехлом. На нотах лежал слой пыли. Здесь давно никто не играл.

Я заглянула в оружейную — стены были увешаны мечами, кинжалами, арбалетами. Магическими и обычными. Я взяла один обычный кинжал — лучше, чем мой отцовский — и сунула за пояс. На всякий случай.

И наконец, я нашла комнату, которую искала.

Комната предыдущей няни.

Она была на третьем этаже, в конце коридора, где не было окон. Дверь была не заперта, но слегка приоткрыта. Я толкнула её и вошла.

Комната была такой же, как моя — маленькая, с белыми стенами и чёрной мебелью. Но здесь чувствовалось запустение. Кровать была застелена, но на подушке лежала вмятина. На столе — пустая чашка с засохшими остатками чая. В

углу — забытая шаль.

Я обыскала комнату.

Под кроватью нашла старую газету. В шкафу — несколько платьев, которые не забрали. В тумбочке — расчёску, зеркальце, заколки.

И дневник.

Он лежал под матрасом — я нащупала его, когда села на кровать. Тонкая тетрадь в кожаном переплёте, потёртая, с выцветшими чернилами.

Я открыла её.

Первый лист:

«День первый. Я прибыла в этот дом. Он красивый и страшный одновременно. Мэриус встретил меня холодно, Лира — странно. Мне кажется, у девочки есть дар, но он необычный. Я буду наблюдать».

Я перелистнула несколько страниц.

«День седьмой. Лира нарисовала картину: я умираю. Я не знаю, что это значит. Она смотрит на меня с жалостью. Мне страшно».

«День четырнадцатый. Я нашла подвал. Там портрет. Се-рафина (я думаю, это она) смотрит на меня и плачет. Я хочу помочь ей, но боюсь. Мэриус предупредил — не лезть».

«День двадцать первый. Я заметила странное. Мэриус каждую ночь уходит в подвал. Возвращается под утро. Его глаза красные. Он не спит. И на прошлой неделе я видела, как он разговаривал сам с собой у портрета. Он называл Се-

рафину «моя девочка» и плакал. А потом он ударил кулаком в стену. Я думала, он сойдёт с ума».

«День двадцать восьмой. Я решила, что должна помочь ему. Или ей. Я не знаю. Я спустилась в подвал, когда его не было. Я попыталась снять руны. Ничего не произошло. Руны светятся, но они не поддаются. Кажется, их может снять только сам Мэриус. Или тот, кто создал портрет».

Сердце забилося быстрее. Я перелистнула ещё несколько страниц. Дневник становился всё более отрывистым, нервным.

«День тридцать пятый. Я нашла в кабинете письма. Он переписывается с кем-то из столицы. Речь идёт о каком-то долге. О крови. Я не поняла. Но Мэриус в опасности. И Лира в опасности. И я. Я хочу уйти, но он не отпустит. Он сказал, что если я уйду — он не сможет гарантировать мою безопасность. Что это значит? Он угрожает? Или предупреждает?»

«День сорок первый. Сегодня я спросила Мэриуса напрямую: что случилось с Серафиной? Он посмотрел на меня так, что я пожалела о своём вопросе. Он сказал: "Не верь его слезам. Он сам..." А потом замолчал и вышел из комнаты. Я не понимаю. О ком он? Кому не верить?»

Я перевернула страницу.

И замерла.

Следующая страница была вырвана. Остался только клочок бумаги у корешка, и на нём — последние слова, обрывающиеся на полуслове:

«Не верь его слезам. Он сам...»

То же самое, что уже было написано. Но теперь я поняла, что это не Мэриус сказал эти слова. Это няня записала то, что он сказал.

«Не верь его слезам. Он сам...»

Он сам что?

Убил жену? Создал портрет? Заманивает жертв?

Я перелистала дальше — но дальше были чистые страницы. Дневник обрывался на сорок первом дне. После этого никаких записей.

Я закрыла тетрадь и спрятала её за пазуху.

«Он не узнает, — подумала я. — Пока не узнает. Мне нужно понять, что здесь происходит».

Я вышла из комнаты, прикрыла дверь и спустилась на первый этаж.

Лира всё ещё рисовала в своей комнате. Мэриус — я слышала его шаги — ходил по кабинету.

Я решила попробовать кое-что.

Я села на пол в холле, прямо у фонтана с чёрной водой. Закрыла глаза. Сделала глубокий вдох.

И попыталась активировать свой дар.

В Академии нас учили: магия — это не мышца, которую можно накачать. Магия — это река. Она течёт там, где есть русло. Мои русла были сухими, перекрытыми печатью Райны. Но что, если печать ослабла? Что, если три года нулевой жизни, страдания и отчаяния пробили в ней брешь?

Я представила золотые нити.

Они не откликнулись.

Я представила тепло в груди.

Тишина.

Я представила, как магия течёт по венам, наполняя каждый сосуд, каждую клетку.

Ничего.

Только пустота. Звнящая, как колокол на похоронах.

Я открыла глаза. Мои руки дрожали. Не от холода — от бессилия.

«Ты ноль, — сказал внутренний голос. — Ты была магом, а стала ничем. Смирись».

Я не хотела смиряться.

Я закрыла глаза снова. Ещё раз. Ещё. Вложила в попытку всю свою волю, всю ярость, всё отчаяние, которое накопилось за три года.

Ничего.

Абсолютно ничего.

Магия Мэриуса, серебристая и опасная, струилась вокруг меня, насмехалась надо мной. Я чувствовала её кожей, волосами, каждым нервом. Но не могла взять ни капли.

Потому что мои руки были пусты.

Я сидела так, наверное, с час. Пока не услышала шаги.

— Что ты делаешь? — спросил Мэриус.

Я открыла глаза. Он стоял в дверях кабинета, скрестив руки на груди.

— Пытаюсь вернуть дар, — честно сказала я.

— Это бесполезно, — ответил он. — Я видел твои каналы.

Они пусты. Не повреждены — пусты. Кто-то очень сильный выпил их досуха и запечатал остатки.

— Вы знаете таких, кто это может сделать?

— Знаю. — Он сделал паузу. — Но ты не хочешь знать их имя.

— Почему?

— Потому что если ты узнаешь, кто запечатал твой дар, ты захочешь отомстить. А месть без магии — это самоубийство.

Он развернулся и ушёл в кабинет, оставив меня одну в холле.

Я смотрела на чёрную воду в фонтане и думала.

Мэриус знал. Он знал, кто такая Райна. Или кто-то подобный. Он видел такие печати раньше. И он боялся сказать мне правду.

Почему?

Вопросов становилось всё больше. Ответов — всё меньше.

В середине дня я гуляла с Лирой в саду. Девочка бегала по дорожкам, собирала чёрные цветы и складывала их в кучу. Иногда она останавливалась, смотрела на море и замирала — как будто вслушивалась в то, что я не могла услышать.

Я сидела на скамейке, держа в руках дневник няни. Перечитывала его снова и снова.

«Не верь его слезам. Он сам...»

Он сам что?

Я подняла голову. На террасу вышел Мэриус. Он был без жилета, только в белой рубашке, рукава закатаны до локтей. Он нёс поднос с лимонадом и стаканами.

— Жарко, — сказал он, ставя поднос на стол. — Пей.

Налил себе и мне. Я взяла стакан, но пить не стала.

— Вы знали предыдущую няню? — спросила я.

— Знал, — ответил он без запинки. — Её звали Дора. Она проработала у меня полтора месяца. Хорошая женщина, терпеливая. Лира её любила.

— Что с ней случилось?

— Исчезла, как я уже говорил.

— Вы искали её?

— Да. Мои люди нашли её в соседнем городе. Она работала в трактире и не помнила, что работала у меня. Кто-то стёр ей память.

Я сжала стакан.

— Кто?

— Не знаю. — Он отпил лимонад и поставил стакан на стол. — Но я думаю, это связано с тем, кто убил Серафину.

— У вас есть враги?

— У меня есть долги, — ответил он после паузы. — Долги крови. Я не хочу вдаваться в подробности, но соседнее королевство считает, что я должен им кое-что. И они не успокоятся, пока не получают своё.

— Что именно?

— Моя жизнь, — сказал он. — Или жизнь Лиры. Или и то, и другое.

Я посмотрела на Лиру. Она сидела на траве, сплетая чёрные цветы в венок. Она выглядела такой беззащитной, такой маленькой.

— Поэтому вы ищете нянь без дара? — спросила я. — Чтобы они не привлекали магией внимание врагов?

— Частично, — кивнул он. — Ещё и потому, что Лира не может быть рядом с магами. Её собственный дар — если это дар — непредсказуем. Рядом с другими магами он активизируется, и тогда... трудно предсказать, что произойдёт.

— Что она может?

— Останавливать время, — сказал он. — Иногда. На секунду. Но даже этой секунды достаточно, чтобы кто-то умер.

Я сглотнула.

— Она когда-нибудь...

— Нет, — перебил он. — Пока нет. Но я не хочу рисковать.

Мы сидели в тишине. Лира прибежала с венком и надела его мне на голову. Чёрные цветы пахли горько и сладко одновременно.

— Спасибо, — сказала я, и она улыбнулась.

Мэриус смотрел на нас странным взглядом — как будто видел что-то, чего не ожидал.

— Ты хорошо с ней ладишь, — сказал он. — Лучше, чем предыдущие.

— Может быть, потому что у меня нет магии, — предположила я. — Я для неё безопасна.

— Может быть, — согласился он. — Или, может быть, потому что ты не боишься её.

А вечером, когда Лира уже спала, а я мыла посуду на кухне, в дверь позвонили.

Дом Мэриуса не был подключён к порталной сети. Гости приезжали редко — судя по тому, как голем-стражник замешкался, открывая ворота. Я выглянула из окна и увидела карету. Чёрную, с золотыми гербами. Из неё вышел мужчина в дорогом костюме, с цепью на шее и перстнем на пальце. Посол.

Я узнала его по одежде. В Академии нас учили распознавать знаки отличия соседних государств. Этот человек представлял королевство, которое, по словам Мэриуса, требовало «долг крови».

Мэриус встретил посла в холле. Я стояла в дверях кухни, невидимая, и смотрела.

— Лорд Мэриус, — посол говорил с лёгким акцентом, растягивая гласные. — Рад видеть вас в добром здравии.

— Чего вы хотите, лорд Эстебан? — спросил Мэриус без приветствий.

— Хочу напомнить о вашем долге, — улыбнулся посол. — Король не забыл. И через месяц истекает последний срок. Вы должны явиться ко двору и ответить за кровь, пролитую вашей семьёй.

— Моя семья ничего не проливали, — ответил Мэриус холодно. — Это ваша семья убила мою жену.

— Доказательств нет, — развёл руками посол. — А вот документы на ваш долг — есть. И король будет рад обсудить условия его погашения.

— Какие условия?

— Лира, — сказал посол, и моё сердце ёкнуло. — Девочка должна стать невестой наследного принца. Когда достигнет совершеннолетия. Тогда долг будет считаться погашенным.

— Никогда, — сказал Мэриус.

— Тогда война, — пожал плечами посол. — Ваши земли будут конфискованы, дом сожжён, а Лира... Лира всё равно окажется при дворе. Только в качестве заложницы, а не невесты.

— Убирайтесь, — сказал Мэриус.

— Я уйду, — кивнул посол. — Но не один.

Он повернулся и посмотрел прямо на меня.

— Лорд Мэриус, — сказал он с улыбкой. — Кто эта прекрасная девушка? Я не знал, что у вас появилась спутница.

Мэриус обернулся. Увидел меня. На секунду в его глазах мелькнула досада — я попалась.

Но потом его лицо изменилось. Он шагнул ко мне, взял меня за руку — холодную, дрожащую — и прижал к себе.

— Моя невеста, — сказал он ровным голосом. — Сайфер. Мы обручились на прошлой неделе. Я как раз собирался объявить об этом.

Посол поднял бровь.

— Невеста? У вдовца? Через три года после смерти жены? Интересно. И откуда же она родом?

— Я из северных племён, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Моя мать была вождём.

— И ваш дар?

— У меня нет дара, — ответила я. — Я ноль.

Посол усмехнулся.

— Маг без магии, — сказал он. — Редкость. Что ж, лорд Мэриус, поздравляю. Надеюсь, ваша невеста переживёт свадьбу.

Он развернулся и вышел.

Дверь закрылась. Голем задвинул засов.

Мэриус отпустил мою руку.

— Извини, — сказал он. — Это была ложь. Но если он узнает, что ты просто няня... он использует тебя. Шантаж, угрозы, похищение. Я не мог рисковать.

— Вы должны были предупредить меня, — сказала я, чувствуя, как злость поднимается из горла.

— Не было времени.

— А теперь есть. — Я выдернула руку. — Объясните. Что значит «долг крови»? Почему этот человек хочет забрать Лиру? И почему я, чёрт возьми, теперь ваша невеста?

Мэриус провёл рукой по лицу. Он выглядел уставшим, старым, сломленным.

— Садись, — сказал он. — Рассказ будет долгим.

Я села на стул в холле, скрестив руки на груди. Мэриус сел напротив. Чёрная вода в фонтане тихо плескалась.

— Моя семья, — начал он, — когда-то была могущественной. Мы владели землями, магией, армией. Но три поколения назад мы проиграли войну королевству, которое теперь требует долг. По условиям мира, я — последний в роду — должен отдать свою жизнь или жизнь своего первенца королю, если он потребует.

— Но Лира — ваша дочь, а не сын, — сказала я.

— В договоре написано «первенец». Не имеет значения, мальчик или девочка. Когда Лире исполнится восемнадцать, король может потребовать её ко двору. И она станет его пленницей. Или невестой наследника — что одно и то же.

— А если вы умрёте?

— Если я умру раньше, долг переходит к Лире автоматически. Она станет его собственностью.

— И поэтому вы женитесь снова? — спросила я. — Чтобы родить другого ребёнка? Сына, который заменит Лиру?

— Это одна из причин, — признал он. — Но не главная. Главная — я не хочу, чтобы Лира жила в постоянном страхе. Если у неё будет отчим — или мачеха, которая сможет её защитить... возможно, король передумает.

— И вы решили сделать мачехой меня? — усмехнулась я.

— Бездарную няню, которую наняли месяц назад?

— Я не планировал. Это вышло случайно. Но теперь, когда посол видел нас вместе, отступить поздно. Если я объяв-

лю, что ты просто няня, он использует это.

— Использует как?

— Придёт с обыском. Найдёт предлог. Арестует тебя. И будет пытаться, пока ты не расскажешь всё, что знаешь о Лире и обо мне.

— Я ничего не знаю.

— Он не поверит.

Я закрыла глаза.

«Ты вляпалась, Сайфер, — повторил внутренний голос. — Ты вляпалась по-крупному. Теперь ты не просто няня. Ты невеста опасного мага. И у тебя нет выхода».

— Сколько времени у нас есть? — спросила я.

— Месяц, — сказал Мэриус. — Через месяц король предъявит ультиматум: либо Лира едет ко двору, либо война.

— А что произойдёт через месяц?

— Либо мы найдём способ победить, — сказал он. — Либо я отдам жизнь, чтобы спасти её.

— А я?

— Ты — моя невеста. — Он посмотрел мне в глаза. — Если мы объявим о помолвке официально, у тебя появится иммунитет. Тебя нельзя тронуть без объявления войны моему дому. А война никому не нужна.

— Значит, я должна играть роль до конца месяца? — спросила я.

— Дольше, — сказал он. — До тех пор, пока Лира не станет совершеннолетней. Тринадцать лет.

Я рассмеялась. Горько, надрывно.

— Вы шутите?

— Ни капли, — ответил он. — Я предлагаю тебе сделку, Сайфер. Ты играешь роль моей невесты, а потом — жены — и помогаешь мне защищать Лиру. Я плачу тебе золотом, даю защиту, кров, еду. А когда Лира вырастет — ты свободна. С хорошим приданым и с хорошими рекомендациями.

— Или я умру раньше, — сказала я.

— Или ты умрёшь раньше, — согласился он. — Но шанс выжить здесь выше, чем в порту Кровавых скал. Ты сама это знаешь.

Я смотрела на него.

На его серебряные глаза, в которых застыла усталость. На его руки, которыми он нежно поправлял одеяло Лире сего дня утром — я заметила, хотя он думал, что я не вижу. На его лицо, которое сейчас было открытым, без масок.

И я поняла, что у меня нет выбора.

— Хорошо, — сказала я. — Я согласна.

Он кивнул.

— Тогда завтра мы объявим о помолвке. А сегодня — иди спать. У тебя был долгий день.

Я встала и направилась к лестнице. Уже на ступеньках я обернулась.

— Мэриус?

— Да?

— Портрет. Вы сказали, что Серафина просила пощады в

последние мгновения. Вы тоже просили?

Он не ответил. Только отвернулся к фонтану, и его силуэт в серебряном свете стал похож на памятник.

Я поднялась в свою комнату, легла на кровать и долго смотрела в потолок.

«Не верь его слезам, — шептал голос из дневника. — Он сам...»

Он сам что?

Убийца? Жертва? И то, и другое?

Я не знала.

Но я знала одно: я ввязалась в игру, правила которой не понимаю. И если хочу выжить, мне нужно научиться играть лучше, чем Мэриус.

И лучше, чем посол.

И лучше, чем король.

Я закрыла глаза.

Завтра я стану невестой.

Сегодня я просто выживу.

Глава 3

Я проснулась от того, что кто-то смотрел на меня.

Открыла глаза — в дверях стояла Лира. Босая, в ночной рубашке, с растрёпанными белыми волосами. В руках она держала кусок мела и свою неизменную доску — маленький грифельный планшет, на котором обычно рисовала.

— Доброе утро, — сказала я, садясь на кровати.

Она подошла и молча показала мне рисунок. На доске была нарисована я — в платье, с короной на голове, а рядом — Мэриус, и между нами — сердце, пронзённое стрелой.

Я невольно улыбнулась.

— Ты знаешь? — спросила я. — Про помолвку?

Лира кивнула. Потом стёрла рисунок и нарисовала новый — три фигуры: она, я и Мэриус, держащиеся за руки. Вокруг — солнце, цветы, птицы.

— Ты хочешь этого? — спросила я.

Она кивнула с очень серьёзным лицом. Потом взяла меня за руку и прижала к своей груди — там, где сердце.

— Хорошо, — сказала я. — Я постараюсь быть хорошей... мачехой. Или кем я там буду.

Лира улыбнулась, развернулась и убежала.

Я сидела на кровати и смотрела ей вслед. Эта девочка, которая не говорила ни слова, умудрялась объяснять целые миры за несколько секунд. И она, кажется, действительно хоте-

ла, чтобы я стала частью их семьи.

Или это был её дар — заставлять людей чувствовать то, что нужно ей?

Я отогнала эту мысль. Лира была ребёнком. Просто ребёнком, который потерял мать и хотел, чтобы рядом с отцом снова появилась женщина.

После завтрака Мэриус позвал меня в свой кабинет. Он сидел за столом, разбирая какие-то бумаги. Его лицо было сосредоточенным, почти мрачным.

— Садись, — сказал он, указывая на стул.

Я села.

— Нам нужно поговорить о деталях, — начал он. — О нашем... соглашении.

— Фиктивной помолвке, — уточнила я.

— Назовём это временной стратегической необходимостью. — Он отложил бумаги и посмотрел на меня. — Ты уже знаешь, что Лира — цель для королевства. Но есть ещё кое-что, о чём я не сказал тебе вчера.

— Что именно?

— Лира — не просто наследница моего долга, — сказал он медленно. — Она — ключ к древнему оружию. Оружью, которое может уничтожить целые армии. Или — дать власть над всеми магами континента.

Я замерла.

— Какому оружию?

— Артефакт называется «Кубок Перерождения», — от-

ветил Мэриус. — Он был создан тысячу лет назад, в эпоху войн между магами и людьми. Кубок может либо даровать магию тому, у кого её нет, либо забрать её у мага навсегда. Энергия кубка запечатана в крови моей семьи. И Лира — последняя, кто может его активировать.

— Поэтому король хочет её, — поняла я. — Не как невесту для наследника. А как ключ.

— Да. Брак — это только предлог. Им нужен Кубок. И они готовы убить любого, кто встанет на их пути.

— Кого — «они»?

— Король, его советники, посол Эстебан, — перечислил Мэриус. — И, возможно, кто-то из моего ближайшего окружения. Я не знаю, кому можно верить. Поэтому я держу Лиру здесь, на утёсе, вдали от всех.

— А почему вы не уедете? На другой континент, где никто вас не найдёт?

— Потому что Кубок привязан к этому месту. Ритуал активации может быть проведён только здесь, в старом храме под домом. Если мы уедем, король найдёт Кубок сам — без Лир. И тогда он сможет использовать его как захочет.

— А если Лира умрёт?

Мэриус поблел.

— Не говори так, — сказал он тихо. — Даже в шутку.

— Простите.

Он встал и подошёл к окну. Море за стеклом было спокойным, почти зеркальным.

— Я обещал тебе, что попытаюсь разблокировать твой дар, — сказал он, не оборачиваясь. — Я не забыл.

— И как вы это сделаете?

— Кубок, — ответил он. — Если Лира активирует его не для оружия, а для дарования силы... он может вернуть тебе магию. Не всю, не такую, как была. Но достаточную, чтобы ты могла защитить себя.

— Вы предлагаете использовать Лиру как инструмент для восстановления моего дара?

— Я предлагаю тебе сделку, — повернулся он ко мне. — Ты помогаешь мне защищать Лиру. Играешь роль моей невесты, отвлекаешь внимание, отводишь подозрения. Когда придёт время — я активирую Кубок и верну тебе магию.

— А если Кубок убьёт Лиру?

Он помолчал.

— Ритуал безопасен для носителя, — сказал он наконец. — Если его проводят правильно. А я знаю, как это делать.

— Откуда?

— Потому что я уже делал это, — сказал он. — С Серафиной. Она пришла ко мне без дара, как ты. И я дал ей магию. Не много, но достаточно, чтобы она могла жить в моём мире.

— А потом её убили, — заметила я.

— Потому что я не защитил её, — голос Мэриуса дрогнул. — Я не повторю эту ошибку с тобой.

Я смотрела на него и не знала, верить ли. В его словах было слишком много выгоды — для меня, для него, для Леры.

И слишком много риска.

— Хорошо, — сказала я. — Я согласна на сделку. Но при одном условии.

— Каком?

— Вы расскажете мне всё. Не по частям, не урывками. Всё. Кто вы, кто ваша семья, кто убил Серафину, что такое Кубок на самом деле, и почему Лира рисует символы, которых не знают даже магистры Академии.

Мэриус долго смотрел на меня. Его серебряные глаза, казалось, видели насквозь — мои страхи, мои надежды, мою готовность предать, если он солжёт.

— Хорошо, — сказал он. — Но не сегодня. Сегодня у нас подготовка к балу.

— К какому балу?

— Завтра в порту состоится ежегодный приём. Все аристократы и магистры с побережья будут там. Нам нужно показаться вместе, чтобы слухи о нашей помолвке распространились.

— Я не умею танцевать, — сказала я. — Не училась. В Академии нас учили убивать, а не вальсировать.

— Я научу, — ответил он. — У нас есть день.

День, как оказалось, был адом.

Мэриус пригласил для меня учителя танцев — пожилую женщину с ледяными глазами и железной спиной. Её звали мадам Вальмон. Она прибыла из столицы на портале, бросила на меня один взгляд и сказала:

— Боже мой, Мэриус, где ты нашёл это чучело?

— В порту, — невозмутимо ответил он. — Наёмная няня.

Теперь моя невеста. Сделай из неё леди.

Мадам Вальмон вздохнула так, будто ей предложили вылепить статую из навоза.

— У нас мало времени, — сказала она. — Раздевайся.

— Что?

— Я сказала — раздевайся. Я должна увидеть, с чем работаю.

Я посмотрела на Мэриуса. Он отвернулся к окну.

— Иди в мою комнату, — сказал я. — Там есть ширма.

Я разделась за ширмой, чувствуя себя идиоткой. Мадам Вальмон подошла, ощупала мои плечи, спину, бёдра.

— Мышцы, — сказала она с отвращением. — У леди не должно быть мышц.

— Я была солдатом, — огрызнулась я.

— Солдатом? Замечательно. Значит, ты умеешь подчиняться приказам. Слушай мои команды. Спина прямая. Плечи назад. Подбородок вверх. Живот втянуть. Попу сжать.

Я повторила.

— Ужасно, — сказала она. — Но лучше, чем ничего.

Следующие шесть часов я училась ходить. Не шагать, не маршировать — ходить. Плавно, как по воде. Ставя ногу с пятки на носок. Держа руки так, словно под мышками зажатые драгоценные яйца.

Я ненавидела каждый момент.

Но к вечеру мадам Вальмон кивнула:

— Сносно. Теперь — этикет.

Этикет оказался ещё хуже. Кому кланяться, кому не кланяться, как обращаться к герцогу, а как к барону, какими вилками есть рыбу, а какими — мясо, как пить вино, не поперхнувшись, как улыбаться врагу, а как — другу (но оказалось, что улыбка должна быть одинаковой — фальшивой).

— В свете нет друзей, — наставляла мадам Вальмон. — Есть союзники и враги. И те, и другие хотят твоей смерти. Просто союзники хотят её позже.

— Оптимистично, — заметила я.

— Реалистично, — поправила она.

Мэриус зашёл в комнату, когда мадам Вальмон уже собиралась уходить.

— Как успехи? — спросил он.

— Если бы мне платили за каждый её промах, я бы купила остров, — ответила старуха. — Но в целом... терпимо. Леди из неё не выйдет, но леди никто и не ждёт. Сойдёт за экзотическую северную варварку.

— Это комплимент? — спросила я.

— Это реальность, — ответила мадам Вальмон и ушла, громко стуча каблуками.

Я осталась одна с Мэриусом.

— Танцы, — сказал он. — Их нельзя выучить за один день. Но хотя бы основы...

Он подошёл ко мне, взял за талию и за руку. Я напряглась.

— Расслабься, — сказал он. — Я не укушу.

— Я знаю, что вы не укусите, — ответила я. — Я просто... не люблю, когда ко мне прикасаются, не предупредив.

Он отпустил меня.

— Извини. — Искренне, без насмешки. — Я должен был спросить.

— Спросил бы — я отказалась бы.

— Поэтому я и не спросил.

Он снова взял меня за талию — осторожно, как будто я была из стекла. Мы сделали несколько шагов. Я сбилась. Ещё раз. Снова сбилась.

— Смотри мне в глаза, — сказал он. — Не на ноги. В глаза.

Я подняла взгляд. Его серебряные глаза были близко — слишком близко. Я видела в них своё отражение — бледное, испуганное.

— Не бойся, — прошептал он. — Я не позволю тебе упасть.

— Я не боюсь упасть, — ответила я. — Я боюсь, что вы меня обманете.

Он промолчал. Мы продолжали танцевать — медленно, неуклюже, но у меня начало получаться.

— Ты была солдатом, — сказал он через несколько минут. — Ты убивала?

— Только на учениях, — ответила я. — Ни одного настоящего убийства.

— А чувствуешь себя так, будто убивала, — заметил он.

— У тебя тяжёлый взгляд.

— Вы тоже не выглядите невинным.

— Я не невинен, — сказал он. — Я убивал много раз. И каждый раз это было легче предыдущего. Но последний...

Он замолчал.

— Что — последний?

— Неважно. Танцуй.

Бал в порту состоялся на следующий день.

Мадам Вальмон привезла мне платье — тёмно-синее, из тяжёлого шёлка, с открытыми плечами и длинными рукавами. Оно было красивым и неудобным, как доспехи. Я чувствовала себя рыцарем, которого нарядили в женскую одежду.

— Волосы распустить, — командовала мадам. — Косы только для деревенщин. Леди носят волосы свободно или укладывают в сложные причёски. У нас нет времени на сложную причёску, так что просто распусти.

— Это не практично.

— В свете никто не думает о практичности, — отрезала она. — Твоя задача — выглядеть так, чтобы мужчины хотели тебя защитить, а женщины — завидовать.

— Я могу защитить себя сама.

— Не с таким взглядом, — заметила мадам. — Постарайся выглядеть более... беззащитной.

— Я не умею притворяться.

— Научись. Иначе тебя сожрут.

Перед выходом я зашла попрощаться с Лирой. Девочка сидела на кровати, обняв колени. Увидев меня в платье, она широко раскрыла глаза.

— Нравится? — спросила я.

Она кивнула. Потом взяла мел и нарисовала на стене руку — ту самую, «защита». Обвела её три раза и показала на меня.

— Ты хочешь, чтобы я была в безопасности?

Она кивнула и показала на сердце — «не забывай, кто ты есть».

— Я не забуду, — пообещала я.

Мы отправились в порт в карете Мэриуса. Чёрные стёкла, магические светильники, лошади с огненными гривами — он не скупился на представление.

— Ты нервничаешь, — заметил он, когда карета тронулась.

— А вы нет?

— Я всегда нервничаю перед выходом в свет, — сказал он. — Это нормально. Главное — не показывать.

— Как вы это делаете?

— Думаю о Лире, — ответил он. — О том, что я делаю это ради неё. И перестаю бояться.

Я посмотрела на него. В полумраке кареты его лицо казалось высеченным из камня — прекрасным и безжизненным. Только глаза жили — серебряные, холодные, но под ними —

что-то тёплое, спрятанное глубоко.

«Не верь его слезам, — вспомнила я. — Он сам...»

Я всё ещё не знала окончания этой фразы. Но я знала, что Мэриус не тот, кем кажется.

И я была права.

Бал проходил в портовой ратуше — огромном здании из серого камня, украшенном флагами цветов побережья. Внутри было шумно, людно, душно. Сотни свечей горели в люстрах, музыка играла негромко, но навязчиво.

Когда мы вошли, все обернулись.

Мэриус был известной фигурой — загадочный маг, живущий на утёсе, вдовец, чья жена умерла при странных обстоятельствах. И теперь он явился с неизвестной женщиной на руке.

— Лорд Мэриус! — к нам бросился маленький толстый мужчина в расшитом золотом камзоле. — Какая честь! Мы думали, вы не придёте.

— Мы решили сделать исключение, — ответил Мэриус холодно. — Позвольте представить вам мою невесту, Сайфер из северных племён.

— Невесту! — толстяк вытаращил глаза. — Но как же... Серафина...

— Серафина умерла, — перебил Мэриус. — Жизнь продолжается. Сайфер — моя избранница. Я прошу любить и жаловать.

Он сказал это так, будто речь была заучена. И, скорее все-

го, так и было.

Толстяк неловко поклонился мне — слишком низко для моей роли. Я кивнула, как учила мадам Вальмон — чуть наклонив голову, но не кланяясь в ответ.

— Очарован, — пробормотал он и отступил.

Сразу же нас окружили другие. Графья, бароны, купцы, магистры. Все хотели посмотреть на меня, поговорить со мной, попробовать на вкус.

— Сайфер — необычное имя, — заметила одна дама в зелёном платье, окинув меня взглядом, полным презрения. — Вы говорите, вы с севера? У них там, кажется, принято есть сырое мясо и спать с собаками?

Я сжала зубы.

— Мы спим с теми, кто нас согревает, — ответила я. — А собаки часто оказываются теплее людей.

Дама замерла, не зная, обижаться или смеяться. Мэриус сжал мою руку — предупреждающе.

— Сайфер любит шутить, — сказал он. — Северный юмор.

— Ах да, — дама кисло улыбнулась и отошла.

Но на её место пришли другие. И каждые следующие полчаса я чувствовала себя так, будто меня раздели и выставили на всеобщее обозрение.

— У неё нет дара, — шептались вокруг. — Совсем. Она ноль.

— Как Мэриус мог выбрать ноля? Он же маг.

— Может быть, он её жалеет?

— Или использует для каких-то тёмных ритуалов.

— У неё руки как у грузчика. И кожа как у доходяги.

— Она не умеет себя вести. Посмотрите, как она держит бокал.

— Позор для дома Мэриусов.

Я слышала каждое слово, но не отвечала. Мэриус предупредил: «Молчи, улыбайся и делай вид, что ты выше этого. Чем больше они говорят, тем глупее выглядят».

Я улыбалась.

Я улыбалась так широко, что болели скулы.

Я улыбалась, когда какая-то девица в розовом платье пролила вино мне на юбку — «случайно».

Я улыбалась, когда мужчина в золотых очках спросил, не торгую ли я телом, потому что «у таких, как вы, других способов заработать нет».

Я улыбалась, когда кто-то тронул мою грудь — «проходя мимо».

А потом я улыбнулась, когда увидела Лиру.

Она стояла в дверях бального зала, держа за руку одного из слуг Мэриуса. На ней было белое платье, волосы заплетены в косу, глаза — огромные, серые, испуганные.

— Лира? — Мэриус отпустил мою руку и бросился к дочери. — Что ты здесь делаешь? Тебе нельзя...

Она показала на меня. Потом нарисовала в воздухе пальцем круг и показала на сердце — «я хочу быть с ней».

— Девочка привязалась к няне, — усмехнулся кто-то рядом. — Смешно. Обычно дети ненавидят нянь.

— Она не няня, — поправил Мэриус, возвращаясь ко мне и беря Лиру за руку. — Она моя невеста.

Лира подняла на него глаза, и я увидела в них ужас.

Не потому, что она боялась отца. А потому, что она видела что-то — там, где мы не видели.

Внезапно она вырвала руку и побежала в центр зала, к дальней стене.

— Лира! — крикнул Мэриус, но она не слушалась.

Она подбежала к белой мраморной стене, рядом с которой стоял стол с закусками. Достала из кармана платья кусок мела — откуда он взялся? — и начала рисовать.

— Что она делает? — спросила дама в зелёном.

— Это дочь Мэриуса? Говорят, она ненормальная.

— Кто пустил ребёнка на бал?

Лира рисовала быстро — так быстро, что я едва успевала следить. Символы, руны, линии, круги. Она покрывала стену письменами, которых не знала даже я.

— Остановите её! — закричал кто-то.

Мэриус бросился к дочери, но Лира уже закончила. Она отступила на шаг, посмотрела на стену, потом на меня, потом на отца.

И разбила палец о край стола.

Кровь брызнула.

Лира макнула палец в кровь и провела по стене — прямо

по рисунку мелом.

Символы засветились.

Алым.

— Что это? — прошептал кто-то.

Лира повернулась к залу. Её серые глаза горели — не магией, чем-то другим. Она вытянула руку и указала на стену.

Там, среди рун, проступило имя.

Написанное кровью.

«ЭСТЕБАН».

Посол Эстебан, который стоял в другом конце зала и потягивал вино, замер. Все повернулись к нему.

— Это... это шутка? — спросил он, но его лицо было белым как бумага.

Лира повернулась и посмотрела на него. И кивнула. Один раз. Медленно, уверенно.

— Она... она назвала убийцу? — раздался чей-то голос.

— Но посол? Посол не мог...

— Дочь Мэриуса известна своими видениями. Я слышал, она видит будущее.

— Она немая, а написала кровью имя.

— Это колдовство! Чёрная магия!

Шум нарастал. Мэриус схватил Лиру на руки, прижал к себе. Посол Эстебан отставил бокал и направился к выходу, но его остановили двое местных магистров.

— Прошу простить меня, лорд Эстебан, — сказал один из них. — Но мы должны задать вам несколько вопросов.

— Я ничего не делал! — закричал посол. — Это провокация! Эта девочка — марионетка! Её научили!

— Тогда вы легко докажете свою невиновность, — ответил магистр. — Пойдёмте.

Они увели его. Бал замер. Все смотрели на нас — на Мэриуса, на Лиру, на меня.

Мэриус повернулся к залу.

— Прошу прощения за беспорядок, — сказал он ледяным голосом. — Моя дочь не всегда может контролировать свой дар. Мы уезжаем.

Он подхватил меня под локоть и вывел из зала, не дав никому опомниться.

В карете Лира дрожала. Мэриус держал её на руках, укачивал, что-то шептал. Я смотрела на них и не знала, что делать.

— Кровь? — спросил Мэриус у дочери. — Ты должна была использовать кровь?

Лира кивнула и показала на своё сердце — «иначе бы не поверили».

— Ты уже видела это? — спросил он. — Значит, имя появилось не сейчас?

Она снова кивнула и показала на меня — «я увидела, когда она пришла».

— Ты знала, что Эстебан убил твою мать?

Лира закрыла глаза. Одна слеза скатилась по её щеке. Она кивнула.

Я сидела напротив и чувствовала, как мир рушится. Посол — убийца. Лира знала — и молчала. Мэриус не знал — но догадывался.

А я была в центре всего этого, без магии, без защиты, без права на ошибку.

Когда мы вернулись домой, Мэриус уложил Лиру спать. Девочка была измотана — и физически, и магически. Её палец мы перевязали, но он всё ещё сочился кровью.

— Она не должна была этого делать, — сказал Мэриус, закрывая дверь в детскую. — Это опасно. Писать кровью — значит, отдавать часть жизни.

— Она сделала это, чтобы защитить вас, — ответила я. — Или себя.

— Или тебя, — добавил он. — Ты заметила, что она указала на тебя, когда говорила, что увидела имя после твоего прихода?

Я не заметила. Но теперь поняла.

— Она ждала тебя, — продолжал Мэриус. — Ждала, когда появится человек, которому можно доверять. Чтобы раскрыть имя убийцы. Потому что я... я был слишком ослеплён горем, чтобы увидеть правду.

— Вы не могли знать.

— Я должен был знать. — Он ударил кулаком по стене. — Я маг. Я могу читать мысли, видеть прошлое, управлять судьбой. Но я не видел, что убийца моей жены был у меня под носом три года.

Он прислонился лбом к холодной стене и замер.

— Что теперь будет? — спросила я.

— Посла арестуют. Будут допрашивать. Но у него дипломатический иммунитет. Если король потребует его выдачи — отдадут. И тогда... тогда мы узнаем правду. Но я не верю, что Эстебан действовал один.

— Он из ближайшего окружения, — сказала я. — Вы говорили.

— Да. — Мэриус повернулся ко мне. — Он один из моих советников. Он бывал в этом доме сотни раз. Он играл с Лирой, когда она была младенцем. И он убил Серафину.

— Зачем?

— Чтобы получить доступ к Кубку. Наверное. Или чтобы ослабить меня. Без неё я... я стал уязвим.

Он замолчал. Я ждала.

— Ты должна быть осторожна, Сайфер, — сказал он. — Если Эстебан был не один — а он был не один — то те, кто с ним, знают, что ты не моя невеста.

— Откуда они могут это знать?

— Потому что они следили за мной, — ответил он. — Они знают, что я не женился бы на бездарной няне из порта. Им достаточно посмотреть на тебя — и они поймут.

— И что тогда?

— Тогда ты станешь мишенью. Как Дора. Как предыдущие няни.

— Меня не сотрут память, — сказала я. — Я не дамся.

— Ты без магии, — напомнил он. — А они — маги. Серьёзные.

— Я была солдатом.

— Ты была солдатом, у которого была магия, — поправил он. — Теперь ты просто женщина с кинжалом.

Он ушёл в кабинет, оставив меня одну в коридоре.

Я поднялась в свою комнату, разделась, легла в кровать.

И увидела записку.

Она лежала на подушке — маленький клочок бумаги, сложенный вчетверо. Я развернула его дрожащими пальцами.

Там было написано:

«Ты следующая, фальшивка».

Кровь застыла в жилах.

Я выбежала в коридор, проверила дверь Лиры — заперта, внутри тихо. Спустилась на первый этаж, заглянула в кабинет — Мэриус сидел за столом, перебирая бумаги.

— Мэриус, — позвала я.

Он поднял голову. Увидел моё лицо и встал.

— Что случилось?

— Записка, — сказала я, протягивая ему клочок. — На подушке. Кто-то был в моей комнате. Пока мы были на балу. Или пока я спала? Я не знаю. Но они знают. Они знают, что я фальшивка.

Мэриус прочитал записку. Его лицо стало каменным.

— Я обещаю дом, — сказал он. — Ты оставайся здесь. Запрись и никого не впускай.

— А если это вы?

Он замер.

— Что?

— Если записку подложили вы? Чтобы напугать меня? Чтобы я не расслаблялась?

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Если бы я хотел напугать тебя, я бы нашёл способ по-лучше, — сказал он. — А теперь — сиди здесь и не выходи, пока я не вернусь.

Он вышел.

Я заперла дверь, достала из-под подушки кинжал и села на пол, прислонившись спиной к стене.

Напротив — дверь. С другой стороны — возможно, убийца. Или пособник убийцы. Или кто-то, кто хочет моей смерти.

«Ты следующая, фальшивка».

Я сжала кинжал и ждала.

Мэриус вернулся через час.

— Никого, — сказал он, открывая дверь магией — замок щёлкнул сам собой. — Магический след не читается. Либо очень сильный маг, либо кто-то из домочадцев.

— Вы доверяете вашим слугам?

— Я никому не доверяю, — ответил он. — С сегодняшнего дня и тебе советую.

Он сел рядом со мной — на пол, подогнув ноги. В его руках был тот же магический кристалл, что и в подвале, но

сейчас он светился тускло.

— Ты можешь переехать в комнату этажом выше, — сказал он. — Там дверь запирается на три засова и на магическую печать.

— А что там?

— Комната Серафины, — ответил он. — Я никому не позволял входить туда после её смерти. Ты будешь первой.

— Вы предлагаете мне спать в комнате вашей мёртвой жены?

— Я предлагаю тебе спать в безопасном месте, — поправил он. — А комната Серафины — самое безопасное место в этом доме. Потому что я наложил на неё столько защитных заклинаний, что даже армия магов не пробьётся.

— А вы сами будете туда входить?

— Только с твоего разрешения, — сказал он.

Я подумала. Но недолго.

— Хорошо, — сказала я. — Я перееду.

Он помог мне встать. Я взяла кинжал, мешок с вещами и пошла за ним на третий этаж.

Комната Серафины была большой, светлой, с окнами на море. Всё в ней говорило о женщине, которая жила здесь — книги, вышивки, музыкальные инструменты. В углу стояла кровать — детская, для Лиры.

— Она спала с Лирой, когда та была младенцем, — сказал Мэриус тихо. — Потом девочка переехала в свою комнату, но Серафина каждую ночь приходила проведать её.

Я поставила мешок на пол.

— Мэриус? — позвала я.

— Да?

— Кто убил Серафину на самом деле?

Он посмотрел на меня. В его глазах была усталость тысячелетнего существа, хотя ему было, наверное, лет тридцать пять.

— Я думал, это Эстебан, — сказал он. — Но теперь я не уверен. Имя, которое написала Лира, может быть правдой. А может быть — только частью правды.

— Она не стала бы врать.

— Она ребёнок, — возразил он. — Она могла ошибиться. Или её дар мог показать не полную картину.

— Вы не верите собственной дочери?

— Я верю ей больше, чем кому-либо, — ответил он. — Но я не верю магии. Особенно такой, которой она владеет.

Он вышел и закрыл дверь. Я слышала, как щёлкнули три засова и как в воздухе загудела невидимая печать.

Я осталась одна в комнате мёртвой женщины, с кинжалом в руках и запиской в кармане.

«Ты следующая, фальшивка».

Я не спала всю ночь.

Под утро я услышала шаги в коридоре — мягкие, крадущиеся. Кто-то прошёл мимо двери, остановился, замер.

Я сжала кинжал.

Шаги удалились.

Я выдохнула.

Но знала, что это только начало.

Глава 4

После записки я не спала трое суток.

Не могла. Каждый раз, когда я закрывала глаза, мне казалось, что кто-то стоит у двери. Или смотрит в окно. Или дышит над ухом. Комната Серафины была безопасной — Мэриус поклялся, что магическая печать не пропустит никого без его ведома. Но моё тело не желало верить магии. Оно помнило: я беззащитна. Я ноль. Я фальшивка, и кто-то знает об этом.

На третью ночь я провалилась в тяжёлый, липкий сон без сновидений. А проснулась от того, что Лира сидела на моей кровати и гладила мои волосы своими холодными пальцами.

— Доброе утро, — прошептала я охрипшим голосом.

Она улыбнулась и показала на дверь — «папа зовёт».

— Что-то случилось?

Она покачала головой — «нет, просто зовёт».

Я оделась, умылась ледяной водой и спустилась в столовую. Мэриус сидел на своём обычном месте, перед ним стояла чашка чая и тарелка с тостами. Но он не ел. Он смотрел на меня с выражением, которое я не могла прочесть.

— Ты выглядишь ужасно, — сказал он.

— Спасибо за комплимент.

— Я серьёзно. Ты не спала?

— Отрывисто.

Он кивнул, как будто ожидал этого.

— Сегодня будем готовиться к следующему мероприятию, — сказал он. — Через две недели бал в поместье герцога Вестонского. Это будет важнее, чем приём в порту. Там соберётся вся знать побережья, включая представителей королевского двора.

— И вы хотите, чтобы я снова играла роль вашей влюблённой невесты?

— Я хочу, чтобы ты научилась танцевать так, чтобы никто не усомнился, что ты леди, — поправил он.

— А если я не умею?

— Я научу.

Он встал, подошёл ко мне и протянул руку.

— Прямо сейчас? — спросила я.

— Прямо сейчас. В большом зале. Лира будет рисовать в углу, она не помешает.

Я взяла его за руку. Его пальцы были сухими и тёплыми, не такими холодными, как у Леры. Я почувствовала, как под кожей пульсирует его магия — серебристая, глубокая, опасная. Мои пустые каналы отозвались глухой болью — не физической, а какой-то другой. Болью потери.

Большой зал находился на первом этаже, за библиотекой. Это было пустое помещение с зеркальными стенами и паркетным полом — очевидно, когда-то здесь танцевали, но сейчас зал казался заброшенным. Мэриус щёлкнул пальцами, и в люстрах зажглись магические огни — серебряные, холод-

ные, как и всё в этом доме.

— Встань сюда, — он показал на центр зала.

Я встала. Он подошёл ко мне, взял за талию и за руку.

— Расслабь плечи, — сказал он. — Ты напряжена, как струна.

— Я не умею расслабляться в присутствии магов, — ответила я. — Особенно таких сильных.

Он усмехнулся — не зло, скорее грустно.

— Я не причиню тебе вреда, Сайфер.

— Вы могли бы сказать то же самое предыдущим няням.

— Предыдущие няни не были моими фиктивными невестами, — возразил он. — И они не спали в комнате моей мёртвой жены.

— Это делает меня особенной?

— Это делает тебя мишенью, — поправил он. — Как и меня. И Лиру. Мы все теперь мишени.

Он сделал шаг. Я сделала шаг назад, чуть не наступив ему на ногу.

— Смотри мне в глаза, — сказал он. — Никогда не смотри на ноги. Глаза в глаза.

— Это страшно, — призналась я.

— Что именно?

— Ваши глаза. Они... ненастоящие. Как у куклы.

Он моргнул, и на секунду серебряный блеск пропал, открывая обычные серые глаза — уставшие, грустные, человеческие.

— Так лучше? — спросил он.

— Лучше, — кивнула я.

Мы танцевали. Я делала ошибку за ошибкой, наступала ему на ноги, сбивала ритм. Но он не злился. Он терпеливо поправлял меня, разворачивал, вёл. Его руки были уверенными, но не грубыми. Когда я падала — а я падала дважды — он подхватывал меня, не давая удариться об пол.

— Ты не умеешь доверять, — сказал он после третьего падения. — Ты падаешь, потому что ты пытаешься контролировать движение, а должна просто следовать за мной.

— Я никому не слеую, — огрызнулась я. — Я была солдатом. Солдаты не следуют — они действуют сами.

— Солдаты следуют за командиром, — возразил он. — А в танце командир — мужчина. Это просто роль. Как на поле боя.

Я закусила губу. Он был прав, и это бесило меня.

— Давай ещё раз, — сказала я.

Мы начали снова. Я заставила себя расслабиться, закрыла глаза и просто двигалась туда, куда он вёл. И вдруг — получилось. Мои ноги сами находили нужный шаг, моё тело изгибалось как нужно. Музыка — хотя мы танцевали без музыки — звучала у меня в голове.

— Открой глаза, — тихо сказал он.

Я открыла.

Мэриус смотрел на меня в упор. Его лицо было близко — слишком близко. Я видела каждую морщинку у глаз, каждую

седую прядь в волосах, каждую трещинку на губах. От него пахло лесом, дымом и полынью. И ещё чем-то — чем-то тёплым, почти домашним.

— Ты красивая, — сказал он. — Когда не злишься.

— Я всегда злюсь, — ответила я. — Это моё естественное состояние.

— Значит, ты всегда красивая.

Он улыбнулся — по-настоящему, без насмешки, без горечи. И я поняла, что влюбиться в этого человека было бы страшно легко. Слишком легко.

— Остановись, — сказала я, хотя мы уже остановились.

— Остановиться? — он не понял.

— Я сказала: не говорите таких вещей. Я здесь по контракту. Я няня, которая играет роль невесты. А вы — мой работодатель. Между нами ничего нет и не будет.

Его лицо закрылось — маска вернулась на место. Серебряные глаза снова стали холодными.

— Как скажешь, — сказал он и отпустил меня. — Отдых десять минут. Потом продолжим.

Отошёл к окну, отвернулся. Я стояла посреди зала, чувствуя, как дрожат руки. Не от страха. От чего-то другого.

«Ты дура, Сайфер, — сказала я себе. — Ты не можешь позволить себе даже намёка на чувства. Ты здесь, чтобы выжить. Не чтобы влюбляться в опасного мага с мёртвой женой и странной дочерью».

Лира, которая всё это время сидела в углу с мелкими и

планшетом, подбежала ко мне и дёрнула за юбку.

— Что? — спросила я.

Она показала на отца, потом на меня, потом нарисовала в воздухе сердце и зачеркнула его крестом — «не зачеркивай, это опасно».

— Ты видишь будущее? — спросила я.

Она кивнула.

— И что ты видишь? Между мной и твоим отцом?

Лира взяла мел и нарисовала на полу две фигуры — мужчину и женщину, держащихся за руки. Потом нарисовала между ними нож.

— Кто-то из нас убьёт другого? — спросила я холодея.

Она покачала головой — «не так». Потом нарисовала третью фигуру — маленькую, между ними. И нож исчез.

— Ты? — спросила я. — Ты нас защищаешь?

Лира кивнула и прижалась ко мне. Я обняла её, чувствуя, как её тонкое тело дрожит.

— Всё будет хорошо, — сказала я, хотя сама не верила.

— Мы справимся.

Вторую половину дня мы снова танцевали. К вечеру я уже могла пройти простой вальс, не наступая Мэриусу на ноги. Он похвалил меня — коротко, сухо, без лишних эмоций. Маска не спадала.

За ужином Лира сидела между нами, как стена. Она ела молча, рисовала на салфетке круги и иногда поглядывала то на меня, то на отца.

После ужина Мэриус ушёл в кабинет. Я помыла посуду, уложила Лиру спать и собиралась подняться в комнату Се-рафины, когда услышала крик.

Лира кричала.

Она не говорила — да, я знала, что она немая. Но она умела кричать. Страшно, надрывно, на одной высокой ноте, как раненая птица.

Я вбежала в её комнату.

Девочка лежала на кровати, её тело выгибалось дугой, глаза закатились, изо рта шла пена. Она билась в конвульсиях — сильных, пугающих, неестественных для такого маленького тела.

— Мэриус! — закричала я. — Мэриус!

Он появился через секунду — будто ждал за дверью. Подбежал к дочери, схватил её за руки, прижал к себе.

— Всё хорошо, — шептал он. — Всё хорошо, Лира. Я здесь. Папа здесь.

Я стояла в стороне, не зная, что делать. Мои руки — руки, которые когда-то плели сложнейшие целительские заклинания — были пусты. Я ничего не могла.

Приступ длился около минуты. Лира затихла, обмякла, её дыхание стало ровным. Мэриус положил её на подушку, вытер пену с губ.

— Что это было? — спросила я.

— Приступ, — ответил он. — Они случаются, когда её дар активизируется во сне. Она видит будущее, и это... пере-

гружает её.

— Такое часто бывает?

— В последнее время чаще. — Он провёл рукой по лицу.

— Я не знаю, что с этим делать. Магистры не могут помочь. Она слишком маленькая, чтобы контролировать свою силу.

— Она когда-нибудь... умрёт от этого?

Он посмотрел на меня. В его глазах была такая боль, что мне захотелось отвернуться.

— Я не допущу этого, — сказал он твёрдо. — Даже если придётся запечатать её дар.

— Вы знаете, как это делается?

— Я изучал, — ответил он. — Но печать может повредить её разум. Или сделать её полностью недееспособной. Я не хочу рисковать, если есть другой выход.

Лира зашевелилась. Открыла глаза — мутные, невидящие. Потом схватила мелок — он всегда лежал у кровати — и начала рисовать на простыне.

— Лира, тебе нужно отдохнуть, — мягко сказал Мэриус.

Но она не слушала. Рисовала быстро, почти исступлённо. Я смотрела на её руки — маленькие, грязные, с обломанными ногтями — и не верила, что в них живёт такая сила.

Когда она закончила, я подошла и посмотрела на рисунок. Корабль в огне.

Небо чёрное от дыма.

Вода — красная, как кровь.

И в этой воде тонула женщина. С длинными волосами, с

распростёртыми руками.

Я узнала себя.

— Это я, — прошептала я.

Лира кивнула. Потом показала на корабль, потом на меня, потом перерезала себе горло — «смерть».

— Я утону? — спросила я.

Она покачала головой — «не так». Потом нарисовала рядом с тонущей женской фигурой руку. Мужскую. В перстне.

Перстень был знакомым.

Я повернулась к Мэриусу. Он смотрел на рисунок побелевшим лицом. И я поняла почему.

Это был его перстень.

Я видела его на его пальце. Тёмный металл, чёрный камень, гравировка в виде дракона. Такой же был нарисован на простыне.

— Вы, — сказала я. — Это ваша рука. Вы меня убиваете? Мэриус покачал головой.

— Это не значит, что я тебя убиваю, — сказал он медленно. — Это значит, что я рядом, когда ты умрёшь. Или пытаюсь спасти. Или стал причиной. Видения Лиры не всегда буквальные.

— Но перстень ваш.

— Да. Мой.

Лира снова зашевелилась — нарисовала ещё одну фигуру. Маленькую, между нами. И написала под ней (она иногда писала отдельные буквы, хотя не говорила):

«СПАСИТЕ».

— Кого спасти? — спросил Мэриус. — Тебя? Её?

Лира закрыла глаза и отвернулась к стене. Разговор окончен.

Мы вышли из комнаты, оставив дверь приоткрытой — на случай, если приступ повторится.

В коридоре Мэриус прислонился к стене и закрыл глаза.

— Я боюсь за неё, — сказал он. — Каждый раз, когда она видит будущее, часть её умирает. Я чувствую это.

— Может быть, потому что будущее ужасно? — предположила я.

— Может быть. — Он открыл глаза. — Или потому, что она платит своей жизнью за каждый кусочек правды.

— Зачем вы показываете мне это? — спросила я. — Вы могли бы скрыть приступы, не говорить правду о видениях, не показывать рисунки. Зачем вы делаете меня соучастницей?

— Потому что я устал быть один, — ответил он. — Три года я нёс это бремя в одиночку. И теперь, когда появился кто-то, кому Лира доверяет... я хочу разделить с тобой хотя бы часть.

— Я не просила об этом.

— Я знаю. — Он посмотрел на меня. — Но ты здесь. И ты не уходишь. Несмотря на угрозы, несмотря на записку, несмотря на видение, где ты тонешь, а рядом — моя рука.

— У меня нет выбора, — сказала я.

— Выбор есть всегда, — возразил он. — Ты просто не хочешь его видеть.

Он ушёл в кабинет.

Я осталась в коридоре, глядя на полуприкрытую дверь Лирь. Девочка спала, её дыхание было ровным. На простыне — рисунок, пророчество, угроза.

Корабль в огне. Я тону. Рука Мэриуса рядом.

Я не знала, верить ли этому. Но я знала, что если Лира права — я должна быть готова ко всему.

Включая то, что Мэриус может оказаться моим убийцей. Или моим спасителем.

Или тем и другим одновременно.

Я не спала почти до полуночи. Лежала в комнате Серафины, смотрела в потолок и думала. О Мэриусе, о Лире, о видении. О перстне.

А потом я встала.

Я не планировала этого. Решение пришло само — как приходит жажда или голод. Я надела тёмную одежду, сунула за пояс кинжал и на цыпочках вышла в коридор.

Дом спал.

Магические огни горели тускло, отбрасывая длинные тени. Я прошла мимо комнаты Лирь — тихо, не дыша. Мимо своей старой комнаты — дверь была открыта, внутри темно.

Лестница на первый этаж скрипнула под моей ногой. Я замерла, прислушиваясь. Тишина.

Кабинет Мэриуса был в конце коридора. Дверь — тяжё-

лая, дубовая, с магической печатью. Я думала, она заперта. Но когда я коснулась ручки, дверь открылась.

Незаперто.

Почему? Он забыл? Или хотел, чтобы я вошла?

Я шагнула внутрь.

Кабинет пах кожей, старыми книгами и магией. Мэриус не сидел за столом — кабинет был пуст. Я подошла к столу, начала перебирать бумаги.

Письма, счета, магические контракты, карты. Ничего подозрительного.

Я открыла ящик стола. Там лежал дневник — старый, потрёпанный, в кожаном переплёте. Я открыла его.

И замерла.

Это были не личные записи. Это были письма. Или копии писем. Переписка между Мэриусом и кем-то, кого он называл «Д».

Я начала читать.

«Д. Вы должны устранить её. Она мешает нашему плану. Если она останется в живых, Лира никогда не станет нашей».

«М. Я понимаю. Но она мать. Я не могу убить мать своей дочери».

«Д. Ты можешь. И ты сделаешь это. Или я сделаю это сам. И тогда Лира узнает правду. Выбирай».

«М. Хорошо. Я сделаю это. Но не сам. Наймите убийцу. Я заплачу. Я не хочу видеть её лицо в последний момент».

«Д. Убийца уже нанят. Яд будет в вине. Скажи ей, что это

особенный сорт — из твоей родной провинции. Она выпьет. И всё кончится».

Я перелистнула страницу.

«М. Всё кончено. Она умерла. Я не спал три ночи. Мне кажется, я слышу её голос».

«Д. Ты справишься. Теперь Лира наша. Когда она подрастёт, мы активируем Кубок. А ты получишь то, что обещано — власть над всеми магами континента».

«М. Мне не нужна власть. Мне нужна дочь».

«Д. Ты получишь дочь. Но сначала — жди. И не вздумай раскаиваться. Если кто узнает — ты проиграл».

Дальше были ещё письма. Но я не могла читать. Мои руки дрожали так сильно, что дневник выпал на пол.

Мэриус.

Он организовал убийство собственной жены.

Он нанял убийцу.

Он сказал ей, что вино особенное — из его родной провинции.

Она выпила.

Она умерла.

А он получил Лиру. Получил контроль над Кубком. Получил — как он думал — власть.

«Не верь его слезам, — вспомнила я фразу из дневника няни. — Он сам...»

Он сам убийца.

Вот что хотела сказать предыдущая няня. Она нашла эти

письма. Она узнала правду. И она исчезла — или её заставили исчезнуть.

А теперь её место заняла я.

И я знала то, что могло меня убить.

Я подняла дневник, положила обратно в ящик, закрыла его. Потом заметалась по кабинету, стирая следы — хотя какие следы? Я ничего не трогала, кроме писем.

— Зачем ты пришла? — спросил голос за спиной.

Я обернулась.

Мэриус стоял в дверях. В одной руке он держал магический светильник, в другой — кинжал. Но не мой отцовский, другой, длинный, с рукоятью из чёрного дерева.

— Я искала книгу, — сказала я. — Не могла уснуть. Думала, почитаю.

— Ты не умеешь лгать, — сказал он. — У тебя краснеет шея, когда ты врёшь.

Я инстинктивно прижала руку к горлу.

— Что ты видела? — спросил он. — Письма? Дневник?

— Я не...

— Не надо, Сайфер. — Он вошёл в кабинет, закрыл дверь. Магический светильник погас, осталась только серебряная магия его глаз. — Я знаю, что ты видела. Я чувствую запах страха на тебе. И гнева.

— Ты убил её? — спросила я.

— Да.

— Своими руками?

— Нет. Я нанял убийцу.

— Это одно и то же.

— Я знаю.

Он сел на стул, уронил голову на руки. Кинжал он положил на стол — далеко от себя.

— Ты должна понять, — сказал он. — Серафина была не просто моей женой. Она была... инструментом.

— Инструментом? — я не скрывала отвращения. — Ты говоришь о женщине, которую любил? Которая родила тебе дочь?

— Я любил её, — поднял он голову. — Я любил её больше жизни. Но она работала на врага. На того самого «Д» из писем.

— Кто это — «Д»?

— Её брат, — сказал Мэриус. — И мой бывший друг. Он хотел заполучить Кубок. Серафина должна была передать Лиру ему после рождения. Но она не смогла — она полюбила дочь и отказалась.

— И поэтому ты её убил?

— Я убил её, потому что она собиралась бежать с Лирой к брату, — сказал он. — Если бы он получил Лиру, он бы использовал Кубок, чтобы уничтожить всех магов, которые не подчиняются ему. Тысячи людей погибли бы. Я не мог этого допустить.

— Но ты мог бы уехать. Спрятаться. Запечатать Лиру.

— Не мог. Брат Серафины был сильнее меня. Он нашёл

бы нас. Он нашёл бы Лиру. Единственный способ защитить её — убедить его, что Серафина мертва. А она... она была единственной, кто знал, где находится Кубок на самом деле. Без неё он не мог активировать артефакт.

— Поэтому ты её убил, — повторила я. — Чтобы сохранить тайну.

— Чтобы спасти Лиру, — поправил он. — И тысячи других жизней.

— А ты думал о том, что чувствовала она? Когда пила вино, зная, что умирает по твоей воле?

— Она не знала, — тихо сказал Мэриус. — Я сказал, что это лекарство. Она болела тогда — серьёзно, воспаление лёгких. Я сказал, что это вино от местного знахаря. Она выпила с улыбкой. Поблагодарила меня.

Я сглотнула.

— Ты чудовище.

— Да, — согласился он. — Я знаю. Я смотрю на себя в зеркало каждое утро и вижу чудовище. Но я вижу и Лиру. Живую, здоровую, защищённую. И я знаю, что сделал правильный выбор.

— Правильный выбор — убить невинную женщину?

— Невинную? — Мэриус усмехнулся горько. — Она была агентом врага. Она собиралась украсть мою дочь и передать её тирану, который уничтожил бы магию. Она была не невинной, Сайфер. Она была жертвой обстоятельств. Как и я.

Я зажмурилась. В голове гудело — слишком много информации, слишком больно.

— Почему ты рассказал мне? — спросила я. — Ты мог бы убить меня. Или стереть память. Или вышвырнуть из дома. Почему ты признался?

— Потому что ты первой посмотрела на меня без страха, — ответил он. — После того, как я сказал тебе, что убил. Ты не убежала. Ты задала вопросы. Ты пытаешься понять.

— Я не пытаюсь понять. Я пытаюсь решить, убить тебя или нет.

— Решай, — сказал он. — Но знай: если ты убьёшь меня, Лира останется одна. Король заберёт её. Дядя-предатель наймёт новых убийц. Она умрёт в течение года. Так что взвесь — моя жизнь или жизнь девочки, которую ты любила.

Я открыла глаза.

Он сидел напротив, безоружный, без магии — он погасил серебряный свет в глазах, и они были просто серыми, уставшими, старыми.

— Я не убью тебя, — сказала я. — Но и не прощу.

— Я не прошу прощения, — ответил он. — Я прошу тебя остаться. Ради Лир. Ради нас.

— Нас? — переспросила я. — Нет никаких «нас». Ты — работодатель. Я — наёмная няня, которая играет роль невесты. Между нами ничего нет.

Он встал, подошёл ко мне. Очень близко. Я чувствовала

тепло его тела, запах леса и полыни.

— Ты врёшь, — сказал он. — И снова у тебя краснеет шея.

Он поцеловал меня.

Нежно. Осторожно. Как будто я была из стекла.

Я не оттолкнула его.

И не ответила.

Стояла, чувствуя его губы на своих — сухие, тёплые, почти горячие. Мои руки висели вдоль тела, не поднимаясь.

— Ты не влюблена в меня, — прошептал он у моих губ.

— Но ты можешь полюбить.

— Я не хочу, — ответила я.

— Я знаю.

Он поцеловал меня снова — дольше, настойчивее. Мои колени дрогнули.

И в этот момент раздался крик.

Лири.

Мы отпрянули друг от друга и бросились к её комнате.

Девочка сидела на кровати, вся белая, с расширенными зрачками. Она билась в ознобе и стучала рукой по стене — раз, два, три.

— Что ты видела? — спросил Мэриус, хватая её за плечи.

Лири вырвалась, схватила мелок и написала на стене одно слово:

«СЕГОДНЯ».

— Что сегодня? — спросила я.

Она написала снова:

«КОРАБЛЬ. ПОЖАР. ТЫ».

Я посмотрела на Мэриуса. Его лицо было пепельно-серым.

— Сегодня? — переспросила я. — То, что она нарисовала, произойдёт сегодня?

— Если её видения точны — да, — ответил он. — Корабль загорится сегодня. И ты будешь на нём.

— Но я никуда не собираюсь.

— Возможно, тебя заставят, — сказал он. — Или заманят.

Он встал, подошёл к окну.

— Нужно уезжать. Прямо сейчас.

— Куда?

— В укрытие. Запасной план. В храм под домом.

— А Лира?

— Лира с нами.

Он начал собираться — быстро, чётко, как солдат, привыкший к экстренным ситуациям. Я стояла и смотрела, как он укладывает в мешок артефакты, книги, оружие.

— Ты веришь ей? — спросила я.

— Всегда, — ответил он. — Она никогда не ошибалась.

Я вздохнула и начала собираться сама. Кинжал, тёплый плащ, немного еды.

Лира сидела на кровати, сжимая в руках свой мелок. Её глаза были пустыми — она видела что-то ещё, что-то, чего не говорила.

— Лира, — я подошла к ней. — Что ещё ты видишь?

Она посмотрела на меня долгим, взрослым взглядом. Потом написала на стене:

«ПАПА ЛГАЛ. НЕ ТОЛЬКО ПРО МАМУ».

Я повернулась к Мэриусу, но он не видел — он стоял у окна, спиной к нам.

— О чём она? — спросила я.

Он не ответил.

— Мэриус?

— Она ошибается, — сказал он не оборачиваясь. — Я рассказал тебе всю правду.

«НЕТ», — написала Лира и зачеркнула слово.

Я посмотрела на рисунок на простыне — корабль в огне, тонущая женщина, рука в перстне.

И поняла, что ничего не знаю.

Ни о Мэриусе, ни о Лире, ни о Серафине, ни о смерти, ни о любви.

Я жила во лжи, и единственная, кто говорил правду, была немая пятилетняя девочка.

— Собирайся, — сказал Мэриус. — У нас мало времени.

— Куда мы едем?

— В храм. Там безопасно.

— А если кто-то знает про храм?

— Никто не знает, — сказал он. — Кроме меня.

Я посмотрела на Лиру. Она покачала головой — «он снова врёт».

Я не знала, кому верить.

Но выбора не было.

Я взяла Лиру за руку, Мэриус — меня за плечо. Мы вышли в коридор, спустились на первый этаж, прошли через холл и кухню — к потайной двери за печью.

— Ты увидишь то, чего не должна была видеть, — сказал Мэриус, открывая дверь. — Но выбора нет.

Мы шагнули в темноту.

Лестница вела вниз — крутая, каменная, пахнувшая сыростью и древностью. Я считала ступени. Десять. Двадцать. Сорок.

На пятидесятой ступеньке зажглись магические огни — серебряные, холодные, как глаза Мэриуса.

Мы оказались в храме.

Огромном, круглом, с колоннами из чёрного камня, покрытыми рунами. В центре — алтарь. А на алтаре — кубок.

Тот самый.

Кубок Перерождения.

Он светился — алым, как кровь, как рисунки Лиры, как видение смерти.

— Не трогай, — сказал Мэриус, видя, что я потянулась к нему. — Это не для тебя.

— Для кого же?

— Для Лиры, — ответил он. — Когда придёт время.

Лира смотрела на кубок с ужасом. Она вырвала руку, отбежала к стене и закрыла лицо ладонями.

— Что с ней? — спросила я.

— Она боится, — сказал Мэриус. — Кубок пугает её. Он вызывает у неё приступы.

— Так зачем ты привёл её сюда?

— Потому что здесь безопаснее всего, — ответил он. — Стены храма выдерживают любой магический удар. Никто не может войти без моего разрешения.

— Кроме тебя.

— Кроме меня.

Я повернулась к нему.

— Мэриус, что ты скрываешь? Лира сказала, что ты со-
врал не только про маму. В чём ещё?

Он молчал.

— Отвечай, — потребовала я. — Или я выйду из храма и пойду к послу. И расскажу всё, что знаю.

— Ты не сделаешь этого, — сказал он.

— Попробуй остановить меня.

Я сделала шаг к выходу.

Мэриус схватил меня за руку.

— Стой, — сказал он. — Я скажу. Но ты должна поклясться, что не уйдёшь.

— Клянусь.

Он отпустил меня. Подошёл к алтарю, коснулся кубка.

— Серафина не была агентом врага, — сказал он. — Она была обычной женщиной, которая хотела спасти дочь от меня.

— От тебя?

— Я — тот самый «Д», — сказал Мэриус. — Письма я писал сам себе. Чтобы создать иллюзию, что за мной кто-то стоит. Чтобы, если кто-то найдёт дневник, подумал, что я — жертва. А не убийца.

Мир рухнул.

Я смотрела на него и не верила.

— Ты... ты убил её не ради Лиры. Ты убил её, потому что она хотела уйти?

— Она хотела забрать Лиру, — поправил он. — Я не мог этого допустить.

— Ты чудовище, — прошептала я.

— Я знаю.

— И ты женишься на мне, чтобы получить ещё одного ребёнка? Чтобы запереть его здесь? Чтобы использовать в ритуалах?

— Нет, — он покачал головой. — Я женился бы на тебе, потому что ты нужна Лире. Потому что ты не боишься её. Потому что ты смотришь на меня не как на монстра, а как на человека, который сделал ужасный выбор.

— Ты не сделал выбор. Ты просто убил.

— Я сделал выбор, — сказал он. — И я живу с ним каждый день. И буду жить до конца.

Я смотрела на него и понимала, что не могу оставаться здесь. Не могу играть роль невесты убийцы. Не могу смотреть в глаза девочке, чью мать убил её отец.

Но я не могла и уйти.

Потому что Лира — маленькая, немая, с пугающим даром — была невиновна.

И если я уйду, король найдёт её.

И дядя.

И другие, кто хочет использовать её как оружие.

— Я останусь, — сказала я. — Но не ради тебя. Ради Лир.

— Я знаю, — кивнул он.

— И если ты ещё раз солжёшь мне — я убью тебя. Даже без магии.

— Я не сомневаюсь.

Я посмотрела на Лиру. Девочка опустила руки и смотрела на меня — благодарно, печально, по-взрослому.

— Иди ко мне, — сказала я.

Она подбежала, обняла меня за талию. Я прижала её к себе, чувствуя, как её сердце бьётся — быстро-быстро, как у пойманной птицы.

— Всё будет хорошо, — сказала я.

Но я не верила в это.

И Лира не верила.

Потому что на полу храма, у алтаря, она нарисовала новый рисунок.

Три фигуры: я, Мэриус и она.

Между нами — череп.

И подпись: «ОДИН УМРЁТ».

Глава 5

Я не спала в храме.

Сидела на холодном каменном полу, прислонившись спиной к колонне, и смотрела на Кубок Перерождения. Он пульсировал алым светом в такт моему сердцу — или моё сердце билось в такт ему. Я не знала.

Лира уснула у меня на коленях, свернувшись калачиком. Её белые волосы рассыпались по моим ногам, дыхание было ровным, но иногда она вздрагивала во сне — и тогда я гладила её по голове, пока она не успокаивалась.

Мэриус сидел в противоположном конце храма, у входа. Он не спал — я чувствовала его взгляд на себе. Серебряные глаза горели в темноте, как угли.

— Ты должна отдохнуть, — сказал он.

— Не могу.

— Из-за Кубка?

— Из-за всего.

Он замолчал. Тишина в храме была плотной, почти осязаемой. Даже вода не капала — подземные источники, должно быть, уходили глубоко вниз, под фундамент.

— Я не убивал Серафину, — вдруг сказал он.

Я подняла голову.

— Что?

— То, что ты прочитала в письмах — ложь. Я написал их,

чтобы отвлечь внимание. Настоящий убийца — брат Серафины. Нынешний король.

Я рассмеялась. Горько, надрывно.

— Ты снова врёшь. Ты всегда врёшь. Сначала сказал, что портрет — ловушка для убийцы. Потом признался, что сам нанял убийцу. Теперь говоришь, что это был не ты? Мэриус, у тебя мания величия или мания жертвы?

— Ни то, ни другое, — ответил он спокойно. — Я хочу, чтобы ты выслушала меня. Не перебивая. А потом решишь, кому верить.

— А если я не захочу слушать?

— Тогда ты выйдешь из храма и попытаешься сбежать, — сказал он. — Но тебя не выпустит магия поместья. Я не запер тебя, Сайфер. Заперла магия, которая питается от Кубка. Она не подчиняется мне. Она подчиняется только Лире — и своей воле.

— Своей воле? У магии есть воля?

— У древней — да, — кивнул он. — Кубок — не просто артефакт. Он почти живой. Он чувствует угрозу. И он чувствует ложь. Прямо сейчас он знает, что ты хочешь сбежать. И он не выпустит тебя, пока ты не узнаешь правду.

Я посмотрела на Кубок. Алый свет стал ярче, как будто артефакт подтверждал слова Мэриуса.

— Хорошо, — сказала я. — Говори. Но если я пойму, что ты врёшь — я убью тебя. Кинжал со мной.

— Я знаю.

Он встал, подошёл ближе, но не слишком — оставил между нами расстояние в несколько шагов. Лира спала, не просыпаясь.

— История начинается не три года назад, — сказал он. — И не тридцать. Она начинается триста лет назад, когда Кубок Перерождения был создан. Его создатель — древний маг, имя которого стёрто из всех хроник — хотел дать магию тем, у кого её нет. Но он ошибся в расчётах. Кубок не дарует магию. Он её перераспределяет. Забирает у одних — отдаёт другим. И плата за это — жизнь.

— Чья жизнь?

— Создателя, — ответил Мэриус. — И всех его потомков. Моя семья проклята. Каждое поколение платит кровью за использование Кубка. Серафина знала об этом. Она пришла в мою семью, чтобы снять проклятие.

— Она была магом?

— Нет. Она была нулём, как ты. Но она верила, что если Кубок активирует истинная наследница — Лира — проклятие исчезнет. Она вышла за меня замуж, чтобы родить ребёнка.

— Ты женился на ней из-за Кубка?

— Я женился на ней, потому что полюбил, — сказал он. — А она вышла за меня, потому что ей нужен был ребёнок. Мы оба использовали друг друга. Но когда родилась Лира, всё изменилось.

— Что изменилось?

— Серафина полюбила дочь. По-настоящему. И она поняла, что не сможет использовать её как инструмент. Она хотела сбежать. Увезти Лиру туда, где Кубок не сможет её найти.

— А ты?

— Я хотел остаться. Потому что если мы уедем, Кубок найдёт другого носителя. И тогда проклятие перейдёт на невинных людей.

— И вы поссорились?

— Мы воевали, — сказал Мэриус. — Не физически. Словами. Она обвиняла меня в том, что я хочу принести дочь в жертву. Я обвинял её в том, что она готова обречь тысячи людей на смерть ради спасения одного ребёнка.

— А потом?

— Потом приехал её брат, — голос Мэриуса дрогнул. — Король. Он узнал о Кубке и о Лире. Он предложил Серафине сделку: он поможет ей сбежать, а она отдаст ему Лиру на один день — чтобы он активировал Кубок для себя.

— Она согласилась?

— Нет. Но он не стал ждать. Он отравил её на моих глазах. Яд был в вине — не в том, что я дал ей, а в том, что прислал он. Серафина думала, что это подарок от брата — редкое вино из столицы. Она выпила. И умерла.

— А ты? Ты не мог спасти её?

— Я пытался. — Он закрыл глаза. — Я использовал всю свою магию, все артефакты, все знания. Но яд был маги-

ческим, созданным специально против моей силы. Её душа ускользала от меня, как вода сквозь пальцы.

— И ты создал портрет.

— Чтобы поймать убийцу, — кивнул он. — Я знал, что король не удержится. Он придёт посмотреть на результат. Или пришлёт кого-то. Портрет должен был зафиксировать магический след.

— И он пришёл?

— Нет. — Мэриус усмехнулся. — Он умнее, чем я думал. Вместо этого он прислал посла Эстебана. Тот явился в дом якобы с соболезнованиями — и попал в ловушку. Его магический след остался на портрете. Это я и показал магистрам после бала.

— Поэтому Лира назвала имя Эстебана?

— Да. Потому что его магический след был на портрете. Но настоящий убийца — король.

— А письма? — спросила я. — Те, что я нашла в твоём кабинете? Где ты признаёшься, что нанял убийцу?

— Ложь для дураков, — ответил он. — Я знал, что рано или поздно кто-то из шпионов короля обыщет мой кабинет. Я подсунул им фальшивку. Чтобы они думали, что я убил жену, и не искали дальше.

— А если бы их не обманула ложь?

— Тогда бы они нашли правду. А правда — король убийца. И если бы они её нашли, они бы убили меня. Потому что я — единственный, кто знает, где находится настоящий Ку-

бок.

Я посмотрела на алтарь. Кубок всё ещё пульсировал алым.

— Это настоящий? — спросила я.

— Нет, — сказал Мэриус. — Это копия. Настоящий спрятан в другом месте. Я не могу рисковать.

— Ты ничему не учишься, — сказала я. — Ты всё время врёшь. Даже сейчас, когда рассказываешь «правду», я не знаю, верить ли тебе.

— Не верь, — ответил он. — Проверь. Выберись из поместья. Уйди. И если магия выпустит тебя — значит, я сказал правду. Если нет...

— Если нет?

— Значит, Кубок считает, что ты должна остаться и узнать всё до конца.

Я встала — осторожно, чтобы не разбудить Лиру. Положила её голову на свёрнутый плащ.

— Хорошо, — сказала я. — Я попробую выйти.

— Я не буду тебя останавливать.

— Знаю.

Я пошла к выходу из храма. Каменные ступени вели вверх, к потайной двери за печью. Я поднялась. Толкнула дверь.

Она не открылась.

Я толкнула сильнее — ногой, плечом. Ничего. Дверь была заперта не физически — магически. Серебристый свет обивал косяки, как змеи.

— Откройся, — сказала я.

Дверь не отозвалась.

— Я сказала — откройся!

Тишина.

Я ударила кулаком по дереву. Боль обожгла костяшки, но дверь даже не дрогнула.

— Бесполезно, — раздался голос Мэриуса за спиной. — Я же говорил.

Я обернулась. Он стоял на нижних ступенях, сложив руки на груди.

— Ты сделал это, — сказала я. — Ты запер меня.

— Нет, — покачал он головой. — Кубок. Иди к нему, Сайфер. Спроси у него напрямую. Он ответит.

— Артефакты не говорят.

— Этот говорит.

Я спустилась обратно в храм. Кубок сиял ярче — теперь это был не просто свет, а пульсация, похожая на сердцебиение.

Я подошла к алтарю.

— Что ты хочешь? — спросила я.

Кубок молчал.

— Я не понимаю твоего языка, — сказала я. — Если ты хочешь что-то сказать — скажи словами.

Внезапно в моей голове зазвучал голос. Не мужской и не женский. Старый, как мир. Холодный, как космос.

«Ты — Жница».

Я отшатнулась.

— Что?

«Ты — Жница. Проклятая. Поглощающая чужие дары. Я чувствую тебя. Твои каналы пусты, но твоя сущность — нет. Она спит. Но она проснётся».

— Кто ты? — прошептала я.

«Я — Кубок Перерождения. Я — память о тех, кто умер за магию. Я — голос крови. И я говорю тебе: ты не ноль. Ты — оружие. Ты — угроза. Ты — надежда».

— Я не хочу быть оружием.

«Ты не выбираешь. Как и Лира. Как и Мэриус. Вы — пешки в игре, которая длится тысячу лет. Но ты можешь стать игроком. Если примешь свою природу».

— Какую природу?

«Жницы не теряют дар. Они его прячут. Запечатывают. Твой дар не украли. Ты сама его запечатала — в момент предательства, чтобы выжить. Твоя подруга только помогла тебе. Но печать можно снять».

— Зачем мне снимать печать? Чтобы снова стать мишенью?

«Чтобы защитить тех, кого любишь».

Я посмотрела на Лиру. Она спала — безмятежно, по-детски. И на Мэриуса. Он стоял неподвижно, смотрел в пол.

— Ты слышал? — спросила я.

— Нет, — ответил он. — Кубок говорит только с теми, у кого есть проклятие. Или дар Жницы.

— Откуда ты знаешь, что я...

— Я догадался, — сказал он. — Когда впервые увидел твои каналы. Они не повреждены, не разрушены. Они запечатаны изнутри. Сделать это может только сам маг. Ты запечатала себя, Сайфер. В момент предательства ты испугалась своей силы — и спрятала её.

— Я не помню.

— Потому что ты стёрла себе память. Или твоя магия стёрла. Жницы умеют защищать себя.

— Ты знал с самого начала?

— Догадывался, — поправил он. — Теперь — уверен.

— И поэтому ты взял меня? Не потому, что я ноль, а потому, что я Жница?

— Я взял тебя, потому что Лира попросила, — ответил он. — Она нарисовала твой портрет за месяц до того, как ты пришла. Она знала, что ты появишься. И сказала, что ты — ключ ко всему.

— Я — ключ?

— К спасению. Или к гибели. Она не уточнила.

Я села на ступеньку, опустив голову на руки. Слишком много правды за один день. Слишком много лжи. Я не знала, где правда, а где нет.

— Что мне делать? — спросила я.

— Остаться, — сказал Мэриус. — Помочь Лире. Разблокировать свой дар. И вместе победить короля.

— А если я не хочу?

— Тогда Кубок не выпустит тебя, — ответил он.

Я подняла голову.

— Ты говорил, что Кубок подчиняется Лире.

— Да. Но Лира спит. И во сне она приказала Кубку не выпускать тебя. Потому что она боится, что ты уйдёшь и погибнешь.

— Она сказала тебе это?

— Она нарисовала.

Мэриус подошёл к спящей девочке, осторожно разжал её кулачок. В нём был зажат клочок бумаги — я не заметила его раньше. Он развернул его и показал мне.

Рисунок: я уйду по тропе вниз, к порту. А за мной — тень. С ножом.

— Она видит будущее, — сказал Мэриус. — Если ты уйдёшь сейчас, ты умрёшь. Убьют по дороге. Или в порту. Или на корабле. Её видения почти всегда сбываются.

— Почти?

— Никто не может предсказать будущее на сто процентов. Но Лира ошибалась только два раза. Оба раза, когда кто-то умирал вместо предсказанного.

— И ты предлагаешь мне остаться в золотой клетке? Ждать, пока король не придёт за нами?

— Я предлагаю тебе не умирать, — ответил он. — И помочь мне найти способ победить короля без жертв.

— А если такого способа нет?

— Тогда мы придумаем его сами.

Я посмотрела на Кубок. Алый свет стал спокойнее, ровнее.

— Я останусь, — сказала я. — Но не ради тебя. И не ради Кубка. Ради Лир. И ради того, чтобы доказать, что я — не оружие.

— Как скажешь, — кивнул Мэриус.

На следующий день мы вернулись в дом, и я попыталась сбежать снова.

Уже не из храма — из поместья. Просто вышла за ворота и пошла по тропе вниз, к порту. Мэриус не останавливал меня, не звал. Стоял на крыльце и смотрел.

Я прошла десять шагов — и упёрлась в невидимую стену. Серебристую, прозрачную, как стекло. Я толкнула её — она не поддалась. Ударила кулаком — только отбила руку.

— Отпусти! — крикнула я.

Стена не ответила.

Я пошла вдоль неё — налево, к скалам. Стена тянулась за мной. Направо, к морю. Стена тянулась.

Купол. Магический купол накрывал всё поместье, и я была внутри.

— Сними его! — крикнула я Мэриусу.

— Не могу, — ответил он. — Это не моя магия. Это Кубка.

— Прикажи Лире!

— Она ещё спит. И даже если проснётся — она не снимет купол. Потому что считает, что так безопаснее.

— Для кого?

— Для тебя.

Я вернулась в дом, хлопнув дверью так, что задребезжали стёкла. Прошла в свою комнату — новую, в крыле Серафины — и рухнула на кровать.

Внутри всё кипело от злости. На Мэриуса, на Кубок, на Лиру — хотя она была ребёнком. На себя — за то, что позволила втянуть себя в это.

«Ты можешь снять печать, — вспомнила я слова Кубка. — Ты сама её наложила».

Я закрыла глаза, попыталась заглянуть внутрь себя — туда, где когда-то жила магия. Пустота. Тишина. Но теперь, когда Кубок сказал мне правду, я чувствовала под этой пустотой что-то. Словно под толщей льда — тёмная вода. Не замерзшая, а затаившаяся.

Мой дар не умер. Он спал.

И если он проснётся...

«Ты станешь оружием», — прошептал внутренний голос. — «Ты станешь Жницей. Ты будешь высасывать чужие дары. Ты будешь монстром».

«Но я смогу защитить Лирu», — ответил другой голос. — «Я смогу защитить себя».

Я не знала, какой голос правильный.

В следующие три дня я не разговаривала с Мэриусом. Кормила Лирu, играла с ней, читала книги — но всё делала механически, как заведённая. Внутри меня зрело решение.

Я должна сбежать.

Но не физически — магически. Если Кубок не выпускает меня, значит, нужно стать сильнее Кубка. Нужно разблокировать дар. Стать Жницей. А потом — пробить купол.

Я начала тренироваться.

Каждый день я уходила на пляж — туда, где в море врезались острые скалы, и волны разбивались в пену. Садилась на песок, закрывала глаза и пыталась достучаться до своей запечатанной магии.

Сначала ничего не получалось.

Потом — чуть-чуть.

Я чувствовала покалывание в кончиках пальцев. Слабое, едва заметное. Как будто дар просыпался, зевал и снова засыпал.

Я не сдавалась.

На третий день Мэриус нашёл меня на пляже.

— Ты пытаешься разблокировать дар, — сказал он, садясь рядом.

— Да.

— Опасно.

— Всё опасно, — ответила я, не открывая глаз. — Ты, Лира, Кубок, король. Моя собственная тень опасна. Так что позволь мне хотя бы попытаться стать сильнее.

— Я не запрещаю, — сказал он. — Я предупреждаю. Дар Жницы просыпается с болью. И с голодом. Ты захочешь чужой магии. Ты захочешь её поглотить. И если рядом не будет

никого, кто остановит тебя...

— Ты остановишь, — сказала я. — Ты сильный маг. Ты справишься.

— А если я не захочу тебя останавливать?

Я открыла глаза. Он смотрел на меня — серьёзно, без тени улыбки.

— Ты должен меня остановить, — сказала я. — Клянись.

— Клянусь, — ответил он. — Но ты должна кое-что пообещать мне взамен.

— Что?

— Не пытайся сбежать, пока не разблокируешь дар полностью, — сказал он. — Без дара ты умрёшь за воротами. С полупроснувшимся даром ты сойдёшь с ума. Только полная сила даст тебе свободу.

— Ты хочешь, чтобы я стала Жницей, — поняла я.

— Я хочу, чтобы ты выжила.

— А если я стану монстром?

— Ты не станешь, — сказал он. — Потому что у тебя есть Лира. Она не даст тебе упасть в темноту.

Я посмотрела на дом. В окне второго этажа стояла Лира и смотрела на нас. Она помахала рукой.

Я помахала в ответ.

— Хорошо, — сказала я. — Я останусь. Буду тренироваться. Не буду сбегать, пока не буду готова.

— И ещё кое-что, — сказал Мэриус. — Мы уезжаем.

— Куда?

— На остров, — ответил он. — Отдалённый, необитаемый. Там нет шпионов, нет магии короля, нет даже порталов. Только море, скалы и мы.

— Зачем?

— Чтобы ты могла тренироваться в безопасности, — сказал он. — И чтобы Лира отдохнула от видений. Ей нужно сменить обстановку.

— А купол?

— На острове нет купола, — сказал он. — Там ты свободна. Но если ты уйдёшь, я не смогу тебя защитить. Король найдёт тебя за два дня.

— А если я не захочу, чтобы меня защищали?

— Тогда зачем тебе дар?

Он встал и протянул руку. Я не взяла её. Поднялась сама.

— Когда едем?

— Через два дня.

Два дня прошли в сборах. Мэриус готовил корабль — небольшую яхту с магическим двигателем. Лира рисовала один рисунок за другим — острова, пальмы, дельфинов. Она была рада.

Я — нет.

Я всё ещё не верила Мэриусу. Но и не верить не могла. Слишком много улик говорило в его пользу — и против.

В день отплытия стоял туман. Серый, липкий, он окутывал утёс, делая дом невидимым с пляжа. Корабль покачивался на волнах — небольшой, но крепкий, с чёрными паруса-

ми.

Мэриус нёс Лиру на руках. Я тащила мешок с вещами.

— Не бойся, — сказал Мэриус, глядя на моё лицо. — Остров красивый. Тебе понравится.

— Я не боюсь острова, — ответила я. — Я боюсь тебя.

Он ничего не сказал.

Мы погрузились на корабль. Мэриус поднял паруса, и ветер наполнил их — магия, конечно, не просто ветер. Корабль отчалил от берега, и поместье скрылось в тумане.

Я стояла на корме, смотрела, как исчезает утёс.

Лира стояла рядом, держала меня за руку. Её пальцы были холодными, но не ледяными — просто прохладными.

— Ты рада? — спросила я.

Она кивнула и показала на небо — «там солнце».

— Надеюсь, ты права.

Ветер стих. Корабль замедлил ход. Мэриус что-то бормотал — настраивал магический компас.

Я смотрела на воду. Чёрную, глубокую, бесконечную.

И вдруг я почувствовала это.

Вспышку.

Внутри.

Не боль — жар. Как будто кто-то разжёл костёр в моём позвоночнике. Тепло разлилось по груди, по рукам, по кончикам пальцев.

Мой дар.

Он проснулся.

На секунду.

Я видела золотые нити — такие же, как раньше, но другие. Более яркие, более плотные. Они пульсировали в такт моему сердцу.

— Сайфер? — Мэриус обернулся. — Что с тобой?

— Ничего, — ответила я, но голос дрожал.

Вспышка погасла.

Но что-то осталось.

Что-то тёмное, древнее, злое.

Оно шевелилось в глубине моей души, как змея в норе.

Я посмотрела на свои руки. Они не светились. Дар ушёл. Но зло осталось.

— Что это было? — спросил Мэриус.

— Не знаю, — ответила я.

Но я знала.

Кубок сказал правду. Я — Жница. И моя сила — не просто дар. Это проклятие. И оно проснулось.

— Сайфер, — Мэриус подошёл ко мне, взял за плечи. — Посмотри на меня.

Я подняла глаза. В его серебряных зрачках отражалось моё лицо — бледное, испуганное, чужое.

— Что ты чувствуешь? — спросил он.

— Голод, — прошептала я.

— Голод?

— Я хочу твою магию, — сказала я. — Хочу взять её. Выпить. Всю.

Он отшатнулся.

— Оно проснулось, — сказал я. — Не дар. То, что внутри дара. Жница. И она голодна.

Лира заплакала.

Тихо, без звука — слёзы текли по её щекам, а рот был открыт в беззвучном крике.

Она видела будущее. И оно было ужасным.

— Успокой её, — сказал Мэриус.

Я притянула Лиру к себе, обняла. Но внутри меня что-то шевелилось — тёмное, злое, голодное. Оно хотело чужой магии. Оно хотело впитать в себя всё, до последней капли.

— Держись, — прошептал Мэриус. — Держись, Сайфер. Не дай ему взять верх.

Я зажмурилась.

Я представила себе Лиру. Её улыбку, когда она впервые надела мне венок на голову. Её рисунки. Её холодные пальцы, сжимающие мою руку.

И тёмная волна отступила.

На секунду.

Но она знала, что вернётся.

— Остров, — сказал Мэриус, показывая вперёд. — Мы почти на месте.

Я открыла глаза.

Вдалеке, в полосе тумана, показалась зелёная точка — остров. Маленький, почти игрушечный.

— Там нет магии, — сказал Мэриус. — Там Жница не

сможет питаться. Ты будешь в безопасности.

— А вы? — спросила я.

— Мы — да, — ответил он. — Потому что мы не маги? Ты, Лира и я?

— На острове нет магии, — повторил он. — Совсем. Её не чувствуют, не используют, не поглощают. Там мы все равны.

— Ты хочешь запретить меня в месте без магии? Чтобы я не превратилась в монстра?

— Я хочу дать тебе время, — ответил он. — Время, чтобы ты научилась контролировать Жницу. А потом — мы вернёмся.

— А если я не смогу?

— Тогда останешься на острове навсегда, — сказал он. — Но ты будешь жива. И Лира будет жива. Это главное.

Корабль причалил к берегу. Песок был розовым — я никогда не видела такого. Море — бирюзовым. Небо — чистым, без единого облака.

Остров был прекрасен.

Но внутри меня шевелилось зло.

И оно сказала: «Здесь нет еды. Ты умрёшь от голода. Скорее — убей их. Выпей их силу. Хотя бы немного».

Я сжала кулаки.

Я не поддамся.

— Мы останемся здесь на месяц, — сказал Мэриус, выпрыгивая на песок. — Я построил хижину в прошлый раз. Там есть еда, вода, книги.

— Ты бывал здесь раньше?

— С Серафиной, — ответил он. — Мы хотели сбежать сюда. Но не успели.

Он протянул руку — помочь мне сойти с корабля. Я не взяла её. Спрыгнула сама, держа Лиду на руках.

Ноги утонули в тёплом розовом песке.

— Красиво, — сказала я.

— Да, — кивнул Мэриус. — Лучшее место, которое я знаю.

Мы пошли к хижине. Маленькой, из тёмного дерева, с соломенной крышей. Внутри — кровати, стол, очаг. Просто. Но уютно.

Мэриус развёл огонь. Лидя села на пол и начала рисовать на песке, который мы натащили внутрь.

Я стояла у окна и смотрела на море.

Внутри меня Жница шевелилась — как спящий зверь, который чувствует, что его клетка открыта.

«Сдерживайся», — приказала я ей. — «Или я запечатаю тебя снова».

«Ты не сможешь, — ответила она. — Я сильнее. Я — это ты».

— Нет, — прошептала я. — Ты — не я.

— Ты с кем говоришь? — спросил Мэриус.

— С собой, — ответила я.

Он не стал спрашивать подробности.

Ночью я не спала. Сидела на пороге хижины, смотрела на

звёзды. Они были другими — не те, что над портом, и не те, что над утёсом. Ярче, ближе, как будто их можно было достать рукой.

Жница затихла. Наверное, потому что магии вокруг не было. Ни капли.

Я вздохнула свободно в первый раз за много дней.

А потом услышала шёпот.

Не изнутри — снаружи. Из моря.

«Вернись, — говорил голос. — Вернись к нам. Мы ждём тебя».

— Кто вы? — спросила я.

«Древние. Те, кто создал Кубок. Те, кто создал Жниц. Мы ждали тебя тысячу лет».

— Зачем?

«Ты — ключ. Ты откроешь дверь. Ты выпустишь нас».

— Я не хочу вас выпускать.

«Ты выпустишь. Потому что у тебя нет выбора. Твоя сила растёт. Скоро ты не сможешь её контролировать. И тогда — мы придём».

Шёпот стих.

Я сидела на песке и дрожала — не от холода, от ужаса.

Остров не был безопасным.

И магия здесь была.

Она спала в глубине, под водой.

И она звала меня.

Наутро я рассказала Мэриусу о голосе. Он побледнел.

— Это невозможно, — сказал он. — Здесь нет магии. Я проверял.

— Проверь ещё раз, — ответила я.

Он достал магический кристалл — маленький, тусклый. Обычно он светился, когда рядом была магия. Сейчас — нет.

— Ничего, — сказал он. — Ты ошиблась.

— Я не ошиблась, — покачала головой я. — Магия здесь есть. Но она... другая. Она не реагирует на твой кристалл.

— Какая?

— Древняя, — ответила я. — Та, что была до магии. Та, что создала Кубок.

Мэриус убрал кристалл.

— Тогда мы не можем здесь оставаться, — сказал он.

— А куда мы можем уйти? — спросила я. — На утёсе — купол. В порту — король. На острове — древние. Везде враги.

— Есть ещё одно место, — сказал он. — Но я не хотел туда возвращаться.

— Какое?

— Дом моей матери, — ответил он. — В горах. Там нет магии, нет людей, нет пути для короля. Но... там умерла Се-рафина. Там началось проклятие.

— Мы поедem туда, — сказала я. — Если это единственный шанс спасти Лиру.

— И тебя, — добавил он. — Ты тоже нуждаешься в спасении.

Я посмотрела на свои руки. Они не дрожали. Жница затихла — но я знала, что она там. Ждёт.

— Хорошо, — сказала я. — В горы. Когда едем?

— Через два дня, — ответил Мэриус. — Нужно подготовить корабль к долгому путешествию.

— А Лира?

— Лира будет с нами.

Я кивнула и пошла собирать вещи.

Но внутри меня Жница улыбнулась.

Она знала, что в горах есть магия. Много магии.

И она будет пить.

Глава 6

Мы не поехали в горы.

Я проснулась на рассвете от того, что Лира трясла меня за плечо. Её глаза были огромными, испуганными. В руках — планшет с рисунком.

Корабль, тонущий в чёрной воде.

— Что это? — спросила я спросонья.

Она показала на карту, которую Мэриус оставил на столе. На карте был отмечен путь к дому его матери — через пролив, который на рисунке Лире был залит кровью.

— Мы не можем туда плыть, — поняла я. — Там смерть?

Лира кивнула и зачеркнула рисунок крест-накрест.

— А куда мы можем?

Она нарисовала остров. Тот самый, на котором мы сейчас находились — но другой. С руинами, пальмами, и маленькими фигурками людей, которые кланялись девочке с белыми волосами.

— Здесь, — сказала я. — Ты хочешь остаться здесь?

Лира кивнула и показала на сердце — «здесь безопасно».

— Но вчера голос из моря говорил, что здесь есть древняя магия. Ты не боишься?

Она покачала головой — «ты защитишь».

Я не была в себе так уверена.

Когда Мэриус проснулся, я показала ему рисунки Лире.

Он долго смотрел на них, хмурился, потом вздохнул.

— Значит, не судьба, — сказал он. — Остаёмся на острове.

— А голос из моря?

— Мы найдём его источник, — ответил он. — И либо запечатаем, либо уничтожим. Лира права — здесь безопаснее, чем в горах.

— Почему?

— Потому что в горах нас ждёт засада, — сказал он. — Я не знал, но её рисунок... корабль, тонущий в крови... это был бы конец.

Мы позавтракали в хижине — вяленным мясом, фруктами и пресными лепёшками, которые Мэриус испёк на углях. Лира ела молча, но иногда поглядывала на дверь, как будто ждала кого-то.

— Кто здесь живёт? — спросила я. — Ты говорил, остров необитаемый.

— Так и есть, — ответил Мэриус. — По крайней мере, три года назад здесь никого не было.

— А теперь?

Он пожал плечами.

— Проверим после завтрака.

Мы вышли из хижины и пошли вглубь острова. Розовый песок сменился зелёной травой, потом — пальмовой рощей. Воздух был влажным, тёплым, пах цветами и

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.